

М. СУЛЬКЕВИЧ ЖИЗНЬ, ВЕРА И СЛУЖЕНИЕ: историография и источники

Автор
Аскар ИСХАКОВ/Askar İSHAKOV

Karabük Üniversitesi Yayınları

Издания Университета Карабук

М. СУЛЬКЕВИЧ. ЖИЗНЬ, ВЕРА И СЛУЖЕНИЕ: историография и источники

Автор

Аскар ИСХАКОВ/Askar İSHAKOV

Редактор

Профессор доктор Али АСКЕР/Prof. Dr. Ali ASKER

Дизайн

Дениз Таныр / Deniz TANIR

Контакты

Karabük Üniversitesi

www.karabuk.edu.tr

Karabük Üniversitesi Merkez Kampüsü

444 0 478

Права на публикацию, продажу и копирование данного произведения
принадлежат Университету Карабук.

Karabük Üniversitesi Yayınları

Издания Университета Карабук

Автор

Аскар Исхаков/Askar İSHAKOV

Редактор

Профессор доктор Али АСКЕР/Prof. Dr. Ali ASKER
ORCID: 0000-0003-0932-5234

Библиотечная карточка

М. СУЛЬКЕВИЧ.

ЖИЗНЬ, ВЕРА И СЛУЖЕНИЕ:
историография и источники

Исхаков, Аскар

84 Страниц, Список литературы включен

Все права защищены.

Без разрешения издателя запрещается любое воспроизведение.

Цитирование допускается при указании источника.

Ответственность за опубликованные в издании материалы несут авторы.

KARABÜK ÜNİVERSİTESİ YAYINLARI-118
ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА КАРАБУК-118

Электронный ISBN: 978-625-93898-6-8

ДЕКАБРЬ 2025

Оглавление

ÖNSÖZ.....	v
Предисловие.....	vii
Введение	9
Глава I. М. Сулькевич В 1917 Г.....	14
Глава Ii. Первый Этап Изучения Роли М. Сулькевича В Крыму В 1918 Г.	28
Глава Iii. Второй Этап Изучения Роли М. Сулькевича В Крыму И В Азербайджане (1918–1920 Гг.).....	34
Глава Iv. М. Сулькевич В Мемуарах И Прессе.....	54
Заключение	77
Список Источников И Литературы.....	78

ÖNSÖZ

Ulusların hafızası geleceği inşa etmede olağanüstü önemi haizdir. Tarih, yalnızca geçmişin olaylarını kaydetmekle kalmaz; aynı zamanda susturulmuş sesleri, bastırılmış kimlikleri ve gölgede bırakılmış gerçekleri yeniden hatırlatır. Her dönemin kendi sessiz kahramanları vardır. Sovyet yılları boyunca, milletine, halkına ve inancına bağlı birçok aydın ve asker, ideolojik nedenlerle tarihin dışına itilmiş; adları karalanmış veya bilinçli bir sessizlikle unutturulmuştur.

Sovyetler Birliği'nin dağılmasının ardından başlayan arşiv açılımları ve tarih yazımındaki yeniden değerlendirme süreci, bu sessizliğin kırılması için önemli bir fırsat sundu. Elinizdeki bu çalışma, o sürecin bir parçası olarak hazırlanmış; Korgeneral Süleyman Bey Sulkeviç (1865–1920) gibi uzun süre görmezden gelinen bir ismi tarih sahnesine yeniden davet etmeyi amaçlamaktadır.

Litvanyalı Tatar kökenli bir aileden gelen Matvey Aleksandroviç Sulkeviç, Müslüman kimliğini benimseyerek Süleyman Bey olarak tanınmıştır. Rus İmparatorluğu'nun çöküşünden Sovyet rejiminin kuruluşuna kadar uzanan kritik dönemde, üç farklı coğrafyada önemli görevler üstlenmiştir. 1917'de Rus ordusunda Müslüman birliklerin teşkil edilmesi sürecinde aktif rol almış, 1918'de Kırım Diyar Hükümeti'nin başına geçmiş ve 1919–1920 yıllarında Azerbaycan Halk Cumhuriyeti'nin savunma politikalarının şekillendirilmesinde belirleyici olmuştur.

Bu eser, yüz yılı aşkın bir süre boyunca Sulkeviç hakkında oluşturulmuş söylemleri belge, arşiv ve tanıklıklar ışığında yeniden değerlendirir. Sovyet tarih yazımının “Alman kuklası” veya “marionet hükümet” gibi basmakalıp nitelemelerini aşarak, karşımıza kendi vizyonuna, stratejisine ve ilkelerine sahip özgün bir devlet adamı, askerî stratejist ve reformcu bir lider çıkarır.

Azerbaycan Demokratik Cumhuriyeti'nde Mehmet Bey Sulkeviç olarak bilinen general, 1919 yılının mart ayında Bakü'ye gelerek Genelkurmay Başkanlığı görevini üstlenmiştir. Kısa sürede genç cumhuriyetin ordusunun modernleşmesi, savunma stratejisinin geliştirilmesi ve kurumsal yapısının güçlendirilmesi için önemli adımlar atmıştır. Onun erken öngörüsü, Sovyet Rusya'nın Azerbaycan'a yönelik tehdidini fark etmesi ve Derbend hattının tahkimi ile Kuzey Kafkasya halklarının Azerbaycan himayesine alınması yönündeki ısrarlı teklifleri olmuştur. Ne var ki bu stratejik uyarılar, dönemin siyasal dengeleri içinde yeterince dikkate alınmamış; bu da 1920 Nisan'ında cumhuriyetin yıkılışını hızlandıran etkenlerden biri olmuştur.

Sulkeviç'in, askeri görevlerinin yanı sıra, Bakü Üniversitesi

bünyesinde kurulan Müslüman Doğu'yu İnceleme Cemiyeti üyeliğiyle bilimsel ve kültürel çalışmalara katılması; onun entelektüel birikimini, İslam dünyasına ve Doğu medeniyetine duyduğu derin ilgiyi yansıtır.

Süleyman Bey'in yaşamı kadar vedası da anlamlıdır. Bu olayı Mehmet Emin Resulzade, amcazadesi Mehmet Ali'nin dilinden şöyle aktarır:

“... Çekistler hücreye girip generale, kendileriyle gelmesi gerektiğini emrettiler. O anda anladık ki general, ömrünün son saatlerini yaşıyor, onu ölüme götürüyorlardı. Etrafı ağır, taş gibi bir sessizlik kapladı. Gözlerinin içine bakmaya cesaret edemedik; ona moral vermeye, teselli sözleri söylemeye gücümüz yoktu... Tam o sırada general, bizden önce davranarak sakın ve vakur bir sesle bu unutulmaz sözleri söyledi:

— Ben mutluyum; Müslüman ordusunun subayı olarak ölüyorum. Elveda!”

Evet, general son nefesinde de kimliğinden, inancından ve davasından ödün vermemiştir.

Sulkeviç'in yaşamı, inancı ve onurlu mücadelesi her bir Müslüman, her bir Türk için iftihar kaynağıdır. Nurlar içinde yatsın!

Ali Asker
Karabük Üniversitesi İİBF
Uluslararası İlişkiler Bölümü Profesörü
Aralık 2025

Предисловие

Память народов имеет исключительное значение в построении будущего. История не только фиксирует события прошлого, но и вновь напоминает о заглушённых голосах, подавленных идентичностях и скрытых истинах. У каждой эпохи есть свои безмолвные герои. В советские годы многие просвещённые люди и военные, преданные своему народу, нации и вере, были по идеологическим причинам вытеснены из исторического пространства; их имена были очернены или преданы умышленному забвению.

После распада Советского Союза открытие архивов и пересмотр исторической науки предоставили важную возможность для преодоления этого молчания. Настоящее исследование подготовлено в рамках этого процесса и имеет целью вернуть на историческую сцену имя, долгое время оставшееся в тени, — генерал-лейтенанта Сулеймана-бея Сулкевича (1865–1920).

Матвей Александрович Сулкевич, происходивший из литовско-татарской семьи, принял ислам и стал известен как Сулейман-бей. В критический период — от распада Российской империи до становления советского режима — он занимал важные посты в трёх разных регионах. В 1917 году он сыграл активную роль в создании мусульманских частей в русской армии, в 1918 году возглавил Крымское краевое правительство, а в 1919–1920 годах стал одним из ключевых архитекторов оборонной политики Азербайджанской Демократической Республики.

В этой работе переосмысливаются исторические представления о Сулкевиче, формировавшиеся на протяжении столетия, в свете документов, архивов и свидетельств. Выходя за рамки клише советской историографии вроде «немецкой марионетки» или «марионеточного правительства», автор представляет уникального государственного деятеля, военного стратега и лидера-реформатора с собственным видением, стратегией и принципами.

Генерал, известный в Азербайджанской Демократической Республике как Мехмед-бей Сулкевич, в марте 1919 года прибыл в Баку и занял должность начальника Генерального штаба. В короткий срок он предпринял важные шаги по модернизации армии молодой республики, разработке её оборонной стратегии и укреплению институциональной структуры. Его дальновидность проявилась в том, что он одним из первых распознал угрозу со стороны Советской России и настойчиво предлагал укрепить Дербендскую линию, а также принять под покровительство народы Северного Кавказа. Однако эти стратегические предупреждения не получили должного внимания в

условиях политического равновесия того времени, что стало одним из факторов, ускоривших падение республики в апреле 1920 года.

Помимо своей военной деятельности, Сулкевич принимал участие и в научной и культурной жизни — как член Общества по изучению мусульманского Востока, созданного при Бакинском университете. Это отражает его интеллектуальное богатство и глубокий интерес к исламскому миру и восточной цивилизации.

Не менее символичным, чем сама жизнь Сулеймана-бея, было и его прощание с нею. Этот эпизод Мехмед Эмин Расулзаде передаёт со слов своего двоюродного брата Мехмеда Али следующим образом:

«... Чекисты вошли в камеру и приказали генералу следовать за ними. В тот момент мы поняли, что генерал переживает последние часы своей жизни, его ведут на смерть. Вокруг воцарилась тяжёлая, каменная тишина. Мы не осмеливались смотреть ему в глаза; не хватало сил поддержать его или сказать слова утешения... И вдруг генерал, опередив нас, спокойно и с достоинством произнёс эти незабываемые слова:

— Я счастлив. Я умираю как офицер мусульманской армии. Прощайте!»

Да, генерал и в свой последний миг не отступил от своей идентичности, веры и дела, которому служил.

Жизнь, вера и благородная борьба Сулкевича являются источником гордости для каждого мусульманина, для каждого тюрка. Да упокоится он с миром!

Али Аскер
Профессор кафедры международных отношений
Факультета экономики и административных наук
Карабюкский университет
ДЕКАБРЬ 2025 года

Введение

Мацей (Муса) Сулькевич родился 20 июля 1865 г. в имении Кемейшы Лидского уезда Виленской губернии Российской империи (ныне территория Гродненской области Беларуси) в крымско-татарской (литовско-татарской) дворянской семье мусульманского вероисповедания.

Его отец Александр (Искандер) Сулькевич являлся одним из выдающихся борцов за независимость Польши в конце XIX — начале XX в. В 1892 г. он участвовал в Парижском съезде делегатов польских социал-демократических организаций, который образовал Польскую социалистическую партию.¹ Отец, будучи подполковником русской армии, погиб во время Первой мировой войны в 1916 г. Сын его был воспитан как татарин и мусульманин.²

Получив военное образование, он служил в разных регионах Российской империи, участвовал в войнах, был награжден за боевые заслуги. Тогда его именем было Матвей (русифицированная форма имени «Мацей»), что облегчало службу татарского офицера в русской армии. В конце 90-х годов XIX в. Сулькевич служил в Одесском военном округе, участвовал в полевых поездках офицеров Генштаба в Крым, часто находился в командировках. Он был женат на потомственной дворянке евангелическо-лютеранского вероисповедания Екатерине Захаровне, разведенной Закалинской, разведенной Гольм и урожденной Барсуковой.³ В 1910 г. Сулькевичу

---

¹ Г.Г. Хафизов. *Культурно-просветительская деятельность татарской интеллигенции в XIX – первой четверти XX вв.* Дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2006, с. 142.

² В. Гуляев, *Польские татары в Азербайджане*. Тогул, 2011, с. 37, 39.

³ Барсукова родилась в 1873 г. в местечке Яново Ковенской губ., окончила в Смоленске гимназию, обучалась игре на фортепиано. Первый ее муж (с 1894 г.) — Гольм Георгий Карлович, офицер пехотного полка. Второе замужество состоялось между 1906 и 1908 гг., вторым мужем был Закалинский Георгий Георгиевич, также офицер. Когда она вышла замуж за Сулькевича, точно не установлено, но, скорее всего в 1912–1913 гг. Причем они были знакомы задолго до этого. В декабре 1902 г. она подарила ему свою фотографию с такой дарственной надписью на обороте: «Хорошему, доброму татарчонку от такой же хорошей Е. Гольм». Арестованная в Москве 5 октября 1937 г. она на

было присвоено звание генерал-майора, в 1915 г. — генерал-лейтенанта.

В ходе революции 1917 г. в Российской империи он стал командиром 1-го Мусульманского корпуса, а летом — осенью 1918 г. являлся премьер-министром крымского правительства, пытаясь добиться независимости Крыма, налаживая при этом связи с Турцией и Азербайджаном. Тогда он использовал имя Сулейман, подчёркивая свое тюркско-мусульманское происхождение. После вынужденной отставки осенью 1918 г. он вскоре уехал в Азербайджанскую Демократическую Республику, где был назначен начальником Генерального штаба вооружённых сил. Здесь он был известен как Мамед-бек. Изменение имен (от славянского к мусульманскому) было проявлением его осознанного перехода от образа генерала русской империи к роли самостоятельного мусульманского политического и военного деятеля в Крыму и на Южном Кавказе. После воцарения в Азербайджане в конце апреля 1920 г. советской власти он был арестован ее представителями и 15 июля 1920 г. был расстрелян в Баку как «контрреволюционер»⁴.

Изучение его жизни и деятельности неразрывно связано с анализом событий, происходивших в России, в Крыму и в Азербайджане в 1917–1920 гг., когда повсеместно в бывшей империи происходила борьба политиков за власть, за новую государственность. К моменту вступления на должность премьер-министра в июне 1918 г. он был хорошо известен в военной среде как опытный военачальник,

---

допросе показала, что после смерти мужа уехала из Баку в 1921 г., в 1921–1930 гг. жила в Смоленске, с 1930 г. — в Москве на квартире брата (Софийская набережная, д. 34, кв. 96). После гибели мужа сохранила его фамилию, став Сулькевич-Барсуковой. Все эти годы зарабатывала уроками музыки, последние три года работала пианисткой на рабфаке. Ее арестовали 5 октября 1937 г. по обвинению в «активном участии в контрреволюционной, боевой, террористической организации и контрреволюционной агитации» и расстреляли 10 декабря 1937 г. (Е.З. Барсуков. *Моё военное прошлое. Воспоминания 1866–1954 гг.* Смоленск, 2018, с. 18–20, 56, 57).

⁴ См. подробнее: С.В. Волков, *Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II*, М., 2010. Т. 2, с. 547; С.К. Дарков *Кадетский биографический справочник: в 6 томах.* 3-е изд., доп. Т. 6. СПб.; М., 2011, с. 348.

занимавший командные должности в царской армии. Сформированное им правительство ставило задачу объединения разнородных политических сил на пути создания нового Крыма, на пути обновления государственного устройства и общественной жизни его многочисленных народов. Ему удалось в определенной мере изменить социально-политическую ситуацию в Крыму, несмотря на активное противодействие со стороны враждебных ему сил, противопоставив им курс на либерализацию внутренней жизни и вхождение в мировое сообщество. Ушел же он с этого поста — редчайший случай — добровольно, в отличие от многих других правителей, появившихся на территории распавшейся империи. Тем самым он показал, что смена власти даже в условиях революционных перемен и гражданской войны вполне может быть совершена демократическим путем, без насилия и крови.

Таким образом, интерес к личности Сулькевича связан, во-первых, с глубокими переменами, которые происходили в период его премьерства в Крыму, где он изменил стратегию и тактику управления новым государством, отказавшись от устаревших принципов; во-вторых, с тем фактом, что он, будучи мусульманином, возглавил создаваемое им крымское государство, которое могло стать примером демократического и светского устройства жизни многонационального и многоконфессионального населения Крыма.

Разные трактовки облика Сулькевича, сложившиеся в историографии, представляются, при всех их различиях, по большей части, не убедительными — даже если судить лишь по противоречиям, содержащимся в публикациях, касающихся его деятельности. Возникает вопрос, почему описания его в историографии столь часто оказывались искаженными и каким в действительности был Сулькевич. Тем самым, рассматривая эту фигуру, в данной работе акцент смещен с описания событий из истории Крыма, в которых Сулькевич сыграл ту или иную роль, на саму эту личность, чтобы попытаться проанализировать его намерения и цели. При этом использованы сами противоречия и расхождения в публикациях историков и в воспоминаниях современников, что также позволяет выявить факты и мотивы, которые проступают сквозь них.

В данной работе показаны, какие историографические

тенденции в отношении Сулькевича как руководителя Крыма в 1918 г. наблюдались за прошедшие сто лет. Были при этом выделены основные трактовки исследователей. Их тексты затрагивают в определенной степени основные аспекты его деятельности как политика в Крыму, однако почти не освещают его деятельность в 1917 г. Мемуары современников также являются важным источником для характеристики представлений современников о Сулькевиче в период его деятельности в Крыму и Азербайджане. Воспоминания, в которых упоминался Сулькевич, были изданы после его смерти. Также периодическая печать, архивные источники и опубликованные документы по данной теме представляют собой ценные, но в то же время крайне сложные с точки зрения выявления источники.

Во-первых, это материалы ряда газет, издававшихся в Москве, Петрограде, Симферополе, Баку, а также в Париже (заметки, статьи, интервью и др.) в 1917–1919 гг. В этих корреспонденциях, авторами которых были люди с разными взглядами, передавались не только события в Крыму, но и авторское отношение к ним, к деятельности Сулькевича, его облику как правителя; во-вторых, это материалы из Российского государственного военно-исторического архива, в которых в служебных документах (переписка Сулькевича с командованием русской армией) сообщается ценная информация о том, что делал Сулькевич в 1917 г. и его намерения; в-третьих, документы Сулькевича, опубликованные в сборниках, посвященных состоянию российской армии в условиях революционного 1917 г. Его рапорты, адресованные в 1917 г. командующим 1-й и 5-й армий, донесения в Главный штаб Военного министерства Российской империи (в Петрограде) и в Штаб верховного главнокомандующего вооруженными силами России на театре военных действий (в Могилеве), а также его записка в эти же военные органы, обнародованная осенью 1917 г. в петроградской газете «Известия Всероссийского мусульманского совета», представляют большой интерес с точки зрения изложения его взглядов на происходившие перемены в государстве, обществе и армии. Такого рода тексты как исторический источник имеют ряд ограничений, поскольку должны отвечать требованиям, налагаемым на них правилами, принятыми в русской армии. Тем не менее в них можно обнаружить индивидуальные черты Сулькевича, проявляющиеся в используемом

им стиле изложения. В IV главе анализируется его письмо председателю Совета министров Азербайджанской Республики (1918 г.), которое показывает, как сильно изменился образ мышления Судькевича по сравнению с тем, что он писал в 1917 г.

Глава I. М. Сулькевич В 1917 Г.

Данная глава посвящена анализу источников, отражающих деятельность М. Сулькевича в условиях Февральской революции в Петрограде (23 февраля — 3 марта 1917 г.), и то, как он реагировал на эти события во время нахождения на фронте Первой мировой войны. Источники, которые использованы, существенным образом расширяют представления об этом генерале и его взглядах.

Весной 1917 г. в Петроград с Северо-Западного фронта прибыл командир 37-го армейского корпуса Сулькевич⁵, писал известный казанский историк Я.Я. Гришин, и якобы передал исполкому Всероссийского мусульманского совета⁶ записку о формировании на Румынском фронте 3-х мусульманских дивизий. Сулькевич намеревался в *будущем* использовать эти части для создания независимого татарского государства в Крыму,⁷ писал Гришин, приписывая генералу то, что, воюя еще на фронте, он якобы замыслил отколоть Крым от России с помощью мусульманских войск.

При этом Гришин ссылался на документ из Российского государственного военно-исторического архива, который относится к 1913 г., и на свою книгу, в которой сделаны ссылки на статью Зарубиных «Крымское правительство М.А. Сулькевича и его политика» (Отечественная история. 1995. № 3).⁸ И здесь нет данных, свидетельствующих о том, что еще в 1917 г. Сулькевич задумал создать в Крыму государство.

Что на самом деле делал весной — осенью 1917 г. Сулькевич, находясь на фронте? Обратимся к его рапорту командующему 1-й армии от 6 мая 1917 г., где, в частности, было отмечено: «4 мая я осмотрел имение Ней-Каркель (в Лифляндской губ. — А.И.), где произведен был погром. Из опросов на месте выяснилось, между прочим, что память о событиях 1905—

---

⁵ На эту должность он был назначен 27 февраля 1917 г. в связи со смертью командира этой части.

⁶ Исполком и Совет были созданы в Петрограде в середине мая 1917 г.

⁷ Я.Я. Гришин. *Из истории татар Литвы и Польши (XIV в. – 30-е годы XX в.)*. Казань, 2009, с. 231.

⁸ Я. Гришин, Д. Шарафутдинов. *Отчизны верные сыны. О военачальниках – выходцах из древних татарских родов*. Казань, 2001, с. 103.

1906 гг. и карательных экспедициях по просьбе баронов еще очень свежа в умах латышей и эстонцев. Не решаясь по своей осторожности к открытому выступлению, они подстрекают солдат. По слухам, агитация начинается уже с Валька⁹ и Вольмара,¹⁰ пунктов высадки прибывающих эшелонов частей и учреждений корпуса. Начавшееся аграрное движение в России находит вполне подготовленную почву для озлобления против немецких баронов при бьющем в глаза довольстве и роскоши их усадеб. Беспорядки возникают почти всегда в тех усадьбах, где налицо их владельцы, которые являются живым олицетворением немца — врага и насильника над безземельным мужиком.

Думаю, что было бы полезно предложить оставшимся в своих усадьбах помещикам-немцам немедленно выехать из района расположения войск, дабы избежать участи обоих баронов Крюднеров, с трудом спасших жизнь от преследования озлобленных солдат...».¹¹

Из документа следует, что весной 1917 г. Сулькевич находился довольно далеко от Петрограда и был занят вопросами своего корпуса. Обращает на себя внимание его анализ описываемой в рапорте политической ситуации, а также стиль изложения, в котором использованы такие понятия, как «аграрное движение» (а не аграрные волнения, как писали обычно различные чиновники и военные тогда), «карательные экспедиции» (а не подавление волнений, бунтов, как было принято писать в подобных официальных отчетах¹²) и др. Автор акцентирует внимание на важной проблеме антагонизма национальных сословий в Российской империи,¹³ и в контексте революционных брожений, которые все больше обостряют сложные межнациональные вопросы данного особого региона. Чтобы

---

⁹ Вальк (по-латышски Walka) — уездный город Лифляндской губернии, по Псково-Рязжской железной дороге, на 391 версте от Петербурга.

¹⁰ Вольмар (по-латышски Valmiera) — уездный город Лифляндской губернии, по Псково-Рязжской железной дороге.

¹¹ *Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года*, Сборник документов. М., 1968, с. 83.

¹² См., напр.: Т.В. Осипова. *Российское крестьянство в революции и гражданской войне*. М., 2001; Н.Е. Хитрина. *Аграрная политика Временного правительства в 1917 году*. Нижний Новгород, 2001.

¹³ У. Сандерлэнд. *Барон Унгерн, «отравленный космополит»* // *Ab imperio*. Казань, 2005. № 3, с. 285-298.

избежать подобных эксцессов, возникающих между представителями разных народов, автор предложил свое сбалансированное решение. В стиле Сулькевича наблюдаются также элементы социального анализа, который фиксирует малые и большие, формальные и неформальные, временные и постоянные социальные группы, присущие его корпусу.

Еще больше информации о самом Сулькевиче, образе его мышления можно извлечь из другого его рапорта, который он направил 2 июля 1917 г. командующему 5-й армией. Здесь было сказано: «8 мая с.г. в 37-й корпус вошли 121-я и 135-я дивизии, обе из состава 12-й армии. Ознакомившись с их моральным состоянием после объезда всех полков и бесед с командирами, офицерами и комитетами, я убедился в следующем: 121-я дивизия. С началом революции дивизия была отведена в резерв армии в Ригу, где она подверглась сильнейшей обработке большевиков... С прибытием дивизии на побережье Рижского залива физиономия определилась ясно: комитеты почти сплошь большевики, яркая проповедь вражды к офицерам и особенно генералам (“кровопийцы в погонах с зигзагами”), погром помещичьих усадеб, осуществленный на пути следования полков из Риги, эмблемой чего служили надписи на красных знаменах “мир хижинам, гибель дворцам”...

Все доложенное дает право думать, что трудно рассчитывать на беспрекословное исполнение следующего боевого приказа, что при наступающей операции может иметь гибельные последствия...

Офицерский состав дивизии находится, по их собственному признанию, “под солдатским игом”, и угрозы расправиться с ними раздаются на митингах постоянно. Офицеры спят с револьверами под подушкой. Авторитет старших начальников не лучше...

Таким образом, рассчитывать на воздействие офицеров убеждениями трудно. Применение же ими силы невозможно, ибо опереться не на кого; благоразумные элементы подавлены кучкой демагогов-большевиков и начинающих уже появляться анархистов. Необходимо отметить, что состав офицеров далеко не обладает сплоченностью — это механическая смесь лиц, одетых в офицерскую форму, лиц разного образования, происхождения, обучения, без взаимной связи, для которых полк — “постоялый двор”. Кадровых офицеров 2–3 на полк с командиром полка, причем последний меняется очень часто, “по обстоятельствам настоящего времени”. То же

происходит с кадровыми офицерами, которые уходят, не вынося развала порядка и дисциплины, нередко под угрозой солдат...

135-я дивизия. Подобно 121-й дивизии сформирована из ополченских дружин и обладает всеми качествами, присущими первой. Стоя в районе Пернова, подверглась обработке моряками Кронштадта, которые входили в состав Перновского гарнизона. Под влиянием их агитации был убит командир 539-го Боровского полка полковник Остапенко, один из командиров позиционных батарей Балтийского побережья, и начали срывать погоны с офицеров...

Объехав дивизию в мае после вступления ее в состав 37-го корпуса, я убедился, что кажущееся спокойствие только наружное. И действительно, сопровождая командующего 1-й армией генерал-лейтенанта Соковнина во время одного из его обращений к 537-му Лихвинскому полку, я услышал из рядов грубые окрики "да что его слушать, перебить всех их надо". Когда отдан был приказ о выступлении в район Двинска, полки зашумели на митингах, что они не уйдут с побережья, но довольно было показаться передовым сотням 4-й Донской дивизии, шедшей на смену, чтобы все стихло, и посадка была совершена в порядке. Обстоятельство это, чисто случайное, дало мне основание доложить в телеграмме от 18 июня № 0788, что бунтари трусливое стадо, чующее за собой вину и быстро поддающееся страху при появлении прямой угрозы силой, хотя небольшой части... Положение офицеров едва ли не хуже, чем в 121-й дивизии, особенно в 540-м Сухиничском полку, где угрозы оружием раздаются на каждом митинге.

Обрисовав настроение обеих этих дивизий, считаю долгом, в развитии мер, доложенных мною в телеграмме от 18 июня за № 0788, предложить следующее: борьба с большевиками и анархистами в войсках не даст результатов, пока Временное правительство в согласии с Советом солдатских и рабочих депутатов ясным и решительным актом не объявит это учение вредным для государства, находящегося в состоянии войны. За пропаганду этого учения в войсках и в населении карать законом, поддерживая исполнение

силой, ибо закон без штыка пустое слово. После насилий и побоев, нанесенных большевиками членам Совета солдатских и рабочих депутатов на Западном фронте, ряда таких же выходов во многих местах России, мера эта является вполне логичной.

Идейный период борьбы с большевиками кончен. Они перешли от слов к делу, нужно дать им отпор совокупностью всех политических партий во имя спасения родины и добытой свободы от злой силы, толкающей темную массу на грабеж, убийства и всякие насилия. Пора назвать вещи своим именем и подсесть зло в корне. Правильно называть — правильно понимать».14

В докладе Сулькевич, который в начале мая 1917 г. побывал в этих двух дивизиях, радовался «добытой свободе», что означает его симпатии к краху самодержавия и его порядкам. Он пользовался понятийным аппаратом политического содержания: «свобода», «политические партии», «революция», а не что-либо иное, например, распространенная тогда «смута»; вместо «агитации» в одном случае применил слово «проповедь», далее использовал и «агитацию» и «обработку», вместо просто «большевики» — «большевики-демагоги», «злая сила», «зло». У Сулькевича имелось понимание, какую угрозу воинской дисциплине несла их пропаганда в этих дивизиях через солдатские комитеты, возникших в ходе революционного процесса на фронте. У него наблюдаются также элементы социального анализа, когда он оценивал качественный состав офицерской социальной группы и заметные изменения в ней. В то же время он описал прибывших мобилизованных солдат как «бунтарей», которые не хотели воевать, но боялись, что к ним применят силу. Он чётко понимал настроения разных социальных групп русской армии в театре военных действий, их черты, характерные для данного периода. Чтобы исправить ситуацию с дисциплиной на фронте он, вновь выступая как политик, предложил, чтобы, с одной стороны, два органа центральной власти в Петрограде запретили

---

¹⁴ *Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 года*, Сборник документов. М., 1968, с. 168–171.

большевистское учение на время войны, с другой — другие политические партии дали им «отпор» (причем не идейной борьбой, а силой). Таким образом, Сулькевич фактически признавал власть нового правительства и Советов, существование двоевластия в стране.

В другом рапорте на имя и.д. начальника штаба 5-й армии от 17 июля 1917 г. Сулькевич критиковал действия полкового комитета, который отпускал солдат «в отпуск массами сверх законной нормы, подрывая боевую готовность частей». В комитет входили, по его оценке, «невысокого уровня развития» члены. При существующем порядке, отмечал он далее, «устанавливается в части недопустимое двоевластие: с одной стороны, ответственный во всех отношениях командир части и, с другой — безответственный и между тем будто равный ему по власти комитет».15 В этом документе он решительно был против двоевластия в армии, критиковал действия солдатских комитетов, которые подрывали боеспособность воинских частей. На его настроение, конечно, повлияло провальное наступление русских войск на Юго-Западном фронте в июне — июле 1917 г.

После провала выступления генерала А.Г. Корнилова, пытавшегося установить в стране военную диктатуру в августе—сентябре 1917 г., Сулькевич был объявлен, по А.Ю. Бутовскому, якобы «корниловцем», так как он был снят с должности и 20 сентября зачислен в резерв чинов при штабе Двинского военного округа. Однако 7 октября 1917 г. якобы под давлением Всероссийского мусульманского военного совета (в Казани) восстановлен в должности.16 Бутовский не указал какие-либо основания того, что Сулькевич

---

¹⁵ *Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. М., 1982, с. 238–239.*

¹⁶ А.Ю. Бутовский. *Матвей Александрович Сулькевич. История жизни генерал-лейтенанта Генерального штаба России, военная и общественная деятельность (20 июня 1865 – 2 июля 1920 г.)* // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28396 Бутовский при этом ссылается на архивный документ: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 407. Оп. 1. Д. 54. Л. 141. Здесь, однако, не сказано, что Сулькевич был корниловцем и что его

имел какое-либо отношение к корниловскому выступлению. Если бы было действительно так, то его не восстановили бы на прежней должности, и Временное правительство отправило его в тюрьму вместе с остальными мятежниками. И никакой Совет в Казани не помог бы ему.

В следующей публикации Гришин вновь упомянул о записке Сулькевича: для расширения состава корпуса он 10 ноября 1917 г. издал мемориал, адресованный всем татарам, о формировании местных легионов в больших мусульманских центрах — Казани, Уфе, Оренбурге, Томске, Харбине, Симферополе, Баку и Владикавказе. Гришин здесь ссылался на петроградские «Известия Всероссийского мусульманского совета» от 10 ноября 1917 г.¹⁷ Обратимся к этой газете. Речь в ней идет о его «записке» по поводу формирования трех мусульманских дивизий, которая датирована 23 октября 1917 г. и опубликована в этой петроградской газете 10 ноября 1917 г. Эта записка адресована была командованию русской армии, а не татарам, чтобы те создавали некие «легионы» по всей стране. Записка дает представление о том, как мыслил ее автор, какие выводы он сделал из того, что пережил во время Первой мировой войны и нескольких месяцев революции, с чем столкнулся в армейской среде. Приведем документ полностью, учитывая его важность также для характеристики размышлений самого автора.

Необходимо учесть, что весной – летом 1917 г. Временное правительство разрешило создавать в армии национальные части. Появились воинские формирования из представителей грузинского, украинского, эстонского и других народов. В конце сентября 1917 г. в армии началась мусульманизация, т.е. формирование воинских частей из представителей мусульманских народов. Как утверждалось осенью 1917 г., «национализация

восстановили в должности под давлением указанного Совета. Также добавим, что у Бутовского ошибки в датах рождения и смерти Сулькевича: как отмечалось, он родился 20 июля и умер 15 июля.

¹⁷ Я.Я. Гришин. *Из истории татар Литвы и Польши...*, с. 232, 398.

армии идет полным темпом».¹⁸

Итак, в этом документе было сказано следующее: «Намеченная мусульманизация 3-х пехотных дивизий, не сводя в корпус, вызывает следующие возражения:

1) Опыт формирования даже украинских частей в виде отдельных рот, батальонов и полков показал, что наличие даже мелких национальных войсковых единиц, вкрапленных в полки и дивизии, вызывает недружелюбное отношение других солдат.

Причины тому — неизбежная обособленность национальных частей, как людей, связанных родством по языку, обычаю (украинцы), а у других народностей еще более крепкими узами кровного родства и веры (татары, латыши, эсты, армяне). Включение мусульманских дивизий в существующие корпуса будет иметь нежелательные последствия.

Являясь чуждым придатком к прочим народностям корпуса, они встретят далеко не доброжелательное отношение не только соседних дивизий, но и командного состава. Едва ли можно ожидать бережного отношения к мусульманским дивизиям, которые всюду будут чужими, что неизбежно поведет к постоянным переброскам из корпуса в корпус, из армии в армию, с фронта на фронт. Явление это весьма часто наблюдалось во время войны по отношению, например, к второочередным дивизиям, из которых некоторые, слоняясь по всему фронту, прокатились от Балтийского до Черного морей.

Непрестанно переходя из одного корпуса в другой, они попадали в наиболее худшие участки позиции, на их долю выпадали зачастую ответственные задачи, они несли наибольшие потери, были хуже обеспечены, чем коренные дивизии корпуса и в конце концов бывали забыты в наградах, за уходом из состава корпуса, который являлся для них только постоянным

---

¹⁸ *Известия Всероссийского мусульманского военного шуро* (Казань). 1917. 3 декабря.

двором. Три мусульманские дивизии могут очутиться даже на трех разных фронтах и лишенные всякой связи друг с другом, они растают в общей массе без всякой пользы для дела.

К этому нужно добавить, что эти изолированные, одинокие дивизии рискуют потерять свою сплоченность, подвергаясь влиянию партии анархического направления. При этих условиях нельзя и думать о чувстве взаимной выручки при совместных действиях мусульманских дивизий в чуждых им корпусах. А ведь это один из крупных факторов успеха всякого предприятия.

Все изложенное выше заставляет придти к заключению, что разброска мусульман по трем отдельным дивизиям крайне вредно отразится на успехе мусульманизации, как задачи первостепенной важности, положенной в основу формирования национальных частей.

Все эти неудобства чисто морального характера отпадают при сведении трех дивизий в мусульманский корпус. Являясь вполне однородным по составу, он будет обладать прочной спайкой частей, крепко связанных друг с другом не только землячеством, но и общей верой и языком. Для старшего начальника, командира корпуса — их единоверца, все дивизии будут одинаково дороги, и отношение к ним будет тоже одинаковое.

Забытых и брошенных не станет, равно как и таких, которых треплют и засовывают в самые тяжелые места. Между дивизиями сразу установится твердая связь, доверие и взаимная выручка в силу простого родства по крови. Постоянство состава мусульманского корпуса даст ему должную сплоченность, ибо всем он будет родною частью, добрым именем которой дорожит каждый мусульманин, отвечающий за нее перед всеми своими единоверцами. Эта сплоченность, основанная на взаимном доверии, послужит лучшей гарантией для борьбы с тлетворным влиянием, разлагающим нашу армию.

2) Дивизия в современной войне — единица в оперативном

отношении не самостоятельная. Таковой является корпус, снабженный более обширными артиллерийскими, инженерными, интендантскими и санитарными средствами, способный к исполнению самостоятельных боевых задач.

Трехдивизионный состав корпуса является нормальным типом этого войскового соединения. Таким образом, кроме моральных причин, организационные условия говорят в пользу немедленного сведения трех мусульманских дивизий в корпус, которые, сохраняя самобытность, дадут возможность использовать в полной мере их боеспособность. Если будет сформирована и кавалерийская дивизия, то мощь и самостоятельность мусульманского корпуса еще более поднимется.

Корпусная организация необходима и на будущее время, ибо нет сомнения, что с переходом армии на мирное положение, мусульманские войска будут сохранены. Численность мусульманского населения настолько велика, что даже при значительном сокращении армии ежегодный контингент новобранцев-мусульман потребует кадров не менее как на корпус, а сохранить его нужно во что бы то ни стало по причинам, указанным выше.

Стремление национальных войск к корпусной организации ярко сказалось на формировании Польского корпуса, Чешско-Словацкого корпуса и Кубано-Терского пластунского корпуса. Нет оснований и мусульманскому населению отказываться от таких примеров.

3) Самым трудным вопросом формирования мусульманских частей является офицерский и унтер-офицерский состав, особенно для специальных войск, штабов, управлений и учреждений. Здесь неизбежно придется привлечь русских офицеров и унтер-офицеров, которых назначать с согласия Шуро (Всероссийский мусульманский военный совет. — А.И.) и под личную ответственность командира части, не считаясь с чином.

4) Запасные части подчинить начальникам мусульманских дивизий и

назначить общего начальника запасной мусульманской бригады, подчинив его командиру мусульманского корпуса. Этому же начальнику бригады подчинить будущие запасные мусульманские артиллерийские и инженерные части, дабы вся организация носила вполне законченный характер мусульманизации от источников пополнения до боевых частей фронта».

В данном документе Сулькевич обратился, по сути, к такой важной проблеме, как соотношение религиозности и этничности, культуры и религии в условиях такой социальной группы, как российская армия. Сулькевич считал, что различия (по его определению, «чуждость») в воинской среде между русскими и мусульманами были существенными.

Он также характеризовал военный российский мусульманский мир, для которого, по его оценке, были свойственны землячество, общая вера и язык, родство по крови, ответственность, доверие. Высказался он и о перспективах таких мусульманских частей. На его взгляд, их следовало сохранить после окончания мировой войны и гражданской, учитывая большую численность мусульманского населения в стране, а также наличие воинских частей из представителей других нерусских народов бывшей империи.

17 ноября 1917 г. в 12 часов ночи состоялся разговор по прямому проводу нескольких представителей воинов-мусульман трех фронтов (в их числе был Сулькевич) со Ставкой верховного главнокомандующего насчет немедленного создания мусульманского корпуса на Румынском фронте. 19 ноября 1917 г. Сулькевич получил от исполнявшего обязанности верховного главнокомандующего российской армии Н.Н. Духонина приказ, согласно которому он приступил к формированию на Румынском фронте 1-го мусульманского корпуса. 20 ноября Сулькевич телеграфировал в Казань Всероссийскому мусульманскому военному совету о том, что получил разрешение сформировать этот корпус в составе двух дивизий вместо трех,

как он предлагал.¹⁹ Это был успех Сулькевича, который аргументировано доказал необходимость подобного формирования с военно-политической точки зрения, а также в целях реформирования прежней армии.

Другой документ, подписанный Сулькевичем, показывает его как прагматичного командира. В его телеграмме, направленной с фронта 14 декабря 1917 г. в Генштаб, начальнику Штаба главковерха, Генеральному секретариату Украинской рады, Всероссийскому мусульманскому военному совету, Крымскому мусульманскому военному комитету и другим адресатам, было сказано: «На основании телеграмм главковерха №18324 и №19068 прошу распоряжения об отправке по одному эшелону в день солдат-мусульман под командой офицеров тоже мусульман предназначенных по 7000 от каждого из фронтов на укомплектование формируемого при Румынском фронте 1-го Мусульманского корпуса в город Симферополь в распоряжение Мусульманского военного комитета, причем станцией посадки прошу назначить для Северного фронта город Псков, Западного — Минск, Юго-Западного — Бердичев. Отправку прошу начать с 20 декабря. Необходимо, чтобы солдаты-мусульмане были вооружены вполне боевой амуницией, в исправной одежде и обуви. Каждый эшелон прошу снабдить 4 походными кухнями, одной повозкой и запасом продовольствия и фуража хотя бы на 14 дней».²⁰

В Бахчисарае 13 декабря 1917 г. депутатами крымско-татарского Курултая была провозглашена Крымская Народная Республика.²¹ Прибытие корпуса Сулькевича в распоряжение Крымского военного комитета, по сути, значило, что у этой республики появились бы собственные вооруженные силы.

---

¹⁹ *Известия Всероссийского мусульманского военного шур* (Казань). 1917. 23 ноября.

²⁰ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1577. Л. 453–454.

²¹ H. Kırımlı. *National movements and national identity among the Crimean Tatars (1905–1916)*. Leiden, 1996, p. 210.

В телеграмме Сулькевича, принятой 23 декабря 1917 г. в Генштабе, главверхом, Всероссийским мусульманским военным советом и другими инстанциями, было сказано: «Мусульманизация двух дивизий на Румынском фронте, равно как и мусульманизация 75-й и 77-й дивизий, являются необходимыми ввиду того, что формирование новых частей для 8 миллионов военнообязанных мусульман представляет собой чрезвычайные затруднения. Поэтому полагал бы второочередные мусульманизированные дивизии при демобилизации не расформировывать, а обратив их в стрелковые мусульманские дивизии, заменить те русские первоочередные части, кои по плану дислокации должны были бы быть расположены в областях, населенных мусульманами. К мусульманизированию двух дивизий на Румынском фронте уже приступлено».²²

В данной телеграмме Сулькевич, используя данные, надо полагать Генштаба, указал на огромное количество военнообязанных мусульман, о которых упоминал ранее в своей записке, что показывает, как полагал генерал, всю важность формирования крупных мусульманских воинских частей. В данном документе он продолжал излагать свой подход к реформированию российской армии с учетом опыта Первой мировой войны. Он как военный стратег и отчасти политик предлагал сохранить эти дивизии в мирное время и направить их вместо русских по составу частей в те регионы, где мусульманское население было значительным, т.е. в Центральную Азию, Азербайджан, Северный Кавказ, Поволжье, Урал и Крым. Это был план создания крупных мусульманских воинских соединений в российской армии, дислоцирующихся на этих территориях.

Таким образом, анализ источников, позволяет сделать вывод, что после падения в 1917 г. самодержавия и Российской империи Сулькевич включился в политическую деятельность, выступил на стороне демократических перемен в обществе. Он контактировал с представителями Всероссийского мусульманского совета и Всероссийского мусульманского

---

²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 336. Л. 122.

военного совета, намеревался продолжить свою военную карьеру как военачальник мусульманских формирований русской армии. Военные события и революционное брожение в обществе повлияли на его замыслы и дела. Он стал воплощать планы Временного правительства по мусульманизации армии в жизнь, глубоко понимая всю проблематику межнационального вопроса в русской армии.

Глава II. Первый Этап Изучения Роли М. Сулькевича В Крыму В 1918 Г.

Данная глава посвящена ответу на вопрос, как в советской историографии изображался Сулькевич, когда он находился в Крыму в 1918 г., какие оценки ему даются современными историками.

В Крыму в 1917–1920 гг. действовали несколько правительств, сменявших друг друга: крымско-татарское, краевое — коалиционное (дважды), большевистское (трижды).

В историографии освещается, как в Бахчисарае Крымско-татарский курултай заседал с 26 ноября по 13 декабря 1917 г. и утвердил в последний день своей работы Конституцию Крымской Народной Республики из 18 статей — «Крымско-татарские основные законы», а также избрал крымско-татарское правительство — директорию во главе с Ч. Челебиевым, а курултай из Учредительного собрания преобразовался в парламент. Челебиев был расстрелян 23 февраля 1918 г. матросами в Севастопольской крепости.

После заключения в марте 1918 г. Берлином с большевиками Брест-Литовского мирного договора германские войска, оккупировавшие территорию Украины, в апреле вошли в Крым и заняли Симферополь и другие города полуострова. Германская военная администрация в Крыму, решила, что крымское правительство следует создать из представителей разных народов, а во главе поставить генерал-лейтенанта Сулькевича, который до оккупации Крыма немцами в 1918 году занимался там созданием мусульманских корпусов. При этом директория и курултай/парламент продолжали действовать в отношении крымских татар.

Ситуация в Крыму тогда была чрезвычайно сложна, противоречива и запутана, что сказывается до сих пор на уровне историографии. Первые работы, в которых затрагивается деятельность Сулькевича в Крыму, появились в 1920-е годы. Их авторами были активные участники крымских событий, а также историки. В воспоминаниях и оценках очевидцев событий впервые был введен в научный оборот конкретный материал. Точка зрения

советских авторов в отношении того, что Сулькевич делал в своей внутренней политике в качестве премьер-министра крымского правительства в 1918 г., сводилась к следующим основным постулатам: он был, во-первых, «марионеткой» германских политиков, а его правительство «пришло к власти, опираясь на штыки империалистической Германии, и своей задачей считало уничтожение каких бы то ни было попыток масс к освобождению, облегчению своего положения»; его правительство являлось «орудием борьбы Германии за Крым»²³; он являлся «фактическим диктатором — ставленником германского империализма»²⁴; он служил оккупантам, помогая им грабить Крым²⁵; он — ставленник германских оккупантов в Крыму.²⁶

Во-вторых, Сулькевич — «бесцветная фигура», преданная идеалам татарской буржуазии; он «последовательно проводил в жизнь волю татарской националистической буржуазии и связанной с ней интеллигенции»; он установил очень тесные связи с татарским парламентом, созданным вскоре по занятии немцами Крыма²⁷; его правительство было создано крымско-татарскими националистами и мало чем отличалось от обычных контрреволюционных буржуазных правительств того времени²⁸; и т.п.

В-третьих, его правительство было якобы монархическим: причем

---

²³ М.Ф. Бунегин. *Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.)*. Симферополь, 1927, с. 174, 194.

²⁴ А.И. Ремпель. *Комсомол в Крыму: исторический очерк пролетарского юношеского движения в Крыму с 1917 по 1920 год*. [Симферополь], 1927, с. 28.

²⁵ М.А. Кальвари. *Интервенция в Крыму*. Симферополь, 1930, с. 34.

²⁶ Ф.С. Загородских. *Борьба с денкинищиной и интервенцией в Крыму*. Симферополь, 1940, с. 7.

²⁷ М.Ф. Бунегин. Указ. соч., с. 164, 168, 195.

²⁸ А.К. Бочагов. *Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму*. Очерк. 2-е изд. Симферополь, 1932, с. 46.

русские монархисты были недовольны тем, что он был нерусским,²⁹ даже несмотря на то, что тот сформировал правительство из «ярых» монархистов.³⁰

Для советских публикаций этого периода, в которых упоминался Сулькевич, характерно господство марксистско-ленинского мировоззрения, принципов классовости и партийности. В этих работах крымская деятельность Сулькевича охарактеризована в сугубо негативном свете, крайне предвзято, используя при этом нарративы русской эмиграции, ее субъективные оценки.

Многие важные аспекты его нахождения у власти в Крыму умалчивались, рассматривались схематично, отрывочно и без какого-либо анализа. Эти публикации носили в большей степени пропагандистский, идеологический характер.

Несмотря на то, что в этих публикациях преобладали субъективизм и тенденциозность, они тем не менее представляют для данной работы интерес с точки зрения оценки Сулькевича и его роли в тех или иных событиях крымской истории.

Во-первых, в этих публикациях иногда встречались факты, которые, по существу, опровергают рассуждения их же авторов. Например, сообщается, что он в официальных речах и беседах подчеркивал, что Совет министров должен довести Крым до Учредительного собрания, которое будет создано на основе всеобщего избирательного права. Как только он возглавил крымское правительство, в газете «Южные ведомости» 7 июня 1918 г. он заявил: «Я намерен привлечь к работе широкие общественные элементы. Организуемая мною центральная власть приложит все усилия к тому, чтобы устранить межнациональные трения и ослабить классовый антагонизм... в области

---

²⁹ Б. Вольфсон. *Подрывная деятельность монархистов к Крыму в годы гражданской войны* // Исторический журнал. 1938. № 10, с. 48.

³⁰ Б. Вольфсон. *Изгнание германских оккупантов из Крыма*. Симферополь, 1939, с. 22.

административной будет проведена широкая децентрализация власти...».³¹ В данной риторике Сулькевича прослеживается классовый подход, но, разумеется, это не позволяет говорить о нем, как о приверженце марксистского мышления, что любопытно, даже советская историография не обращает на подобную коннотацию никакого внимания.

В отношении крымских татар он сделал такой шаг: обратился к представителям крымско-татарского правительства с просьбой выдвинуть кандидата на пост статс-секретаря по татарским делам. «Только при этих условиях, — писал он, — я могу всегда иметь точные сведения о делах, нуждах и настроениях родного мне народа, дабы не упустить из виду его кровных интересов при управлении краем».³² Должность статс-секретаря в то время фактически означала статус министра. Хотя такой министр не появился в правительстве, Сулькевич привлек в различные структуры управления Крымом многих татар. Такой «диктатор», хотевший сплотить крымское общество и созвать общий крымский парламент к концу 1918 г.

Утверждалось, что, «получив в руки верховную власть, ген. Сулькевич, тотчас по “вступлении”, разогнал все общественные организации...», а на следующей странице, однако, было сказано: Начиная с первых дней октября, «общественными и профессиональными организациями выносятся резолюции, в которых массы требуют немедленной отставки правительства Сулькевича». Севастопольский совет профсоюзов объявил 8 октября однодневную забастовку, требуя смены правительства».³³ Значит, все эти оппозиционные организации существовали при этом правительстве, т.е. была демократия, а вовсе не диктатура. А это означает, с политологической точки зрения, что его «диктаторский режим» готовил демократический переход власти — передачу власти общекрымскому парламенту.

---

³¹ В. Елагин. *Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы* // Революция в Крыму. 1924. № 3, с. 97.

³² Цит. по: М.Ф. Бунегин. *Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.)*. Симферополь, 1927, с. 196.

³³ Л.И. Ремпель. Указ. соч., с. 87, 88.

Еще пример. Сулькевич якобы не сумел довести общественные группы до краевого парламента и потому вынужден был сдать власть новому составу правительства, выдвинутому краевым съездом губернских гласных, представителей городов и земств.³⁴ То есть, этот «диктатор» собирался созвать общекрымский парламент, чтобы решить судьбу Крыма, но ушел в отставку из-за требования общественных организаций. При этом подчеркивалось, что правительство Сулькевича было «реакционным» и выдвигало идею самостоятельного крымского государства, ориентируясь на поддержку Германии и Турции.³⁵

В другой публикации это правительство называлось «демократическим».³⁶ Ее автор в другой публикации, однако, писал, что оно во внутренней политике «ни в какой степени не претендовало на связь с “демократией”», а во внешней политике «не чуждо было тенденции сепаратизма».³⁷ Последняя перспектива сильно раздражала советских авторов, у которых в качестве ее критики были в ходу такие, в частности, аргументы: идея о независимом Крыме «с яркостью показала всем мечтающим о самостоятельном, изолированном крымском... государстве абсурдность и беспочвенность мечтаний»; правительство Сулькевича последовательно вело «одурачивание масс особым государством»³⁸. В советской литературе уверяли, что все трудящиеся Крыма хотели советскую власть и стремились войти в состав советской России.

После 1945 г. отношение советской историографии к Сулькевичу принципиально не изменилась: историки почти не упоминали о нем и его деятельности в Крыму, а если вскользь упоминали, то всегда в негативном

---

³⁴ Там же, с. 87, 88.

³⁵ Там же, с. 88.

³⁶ А.И. Гуковский. *Французская интервенция на юге России. 1918–1919 г.* М.-Л., 1928, с. 4.

³⁷ А.И. Гуковский. *Крымское краевое правительство в 1918/19 г.* // Красный архив. Исторический журнал. 1927. Т. 3 (22), с. 92.

³⁸ М.Ф. Бунегин. Указ. соч., с. 172, 173.

смысле, обычно как марионетку, которая управлялась извне. Так, в коллективном труде крымских историков было сказано: «В Крыму немецкие захватчики нашли себе опору в лице татарских буржуазных националистов, немцев-колонистов и буржуазно-помещичьих элементов. Татарские националисты стремились образовать в Крыму ханство и отторгнуть Крым от Советской России. Из представителей всех контрреволюционных группировок оккупанты создали в середине июня 1918 г. марионеточное контрреволюционное правительство» во главе с Сулькевичем, «наемным агентом германских империалистов». Это правительство, «опиравшееся на германские штыки, беспрекословно выполняло волю оккупантов».³⁹

В зарубежной историографии личность Сулькевича, его деятельность в Крыму вызывала интерес. Так, известный турецкий историк М. Улькусал (1899–1996), из крымских татар, который в 1917–1918 гг. находился в Крыму, а затем покинул его, писал, что генерал Сулькевич был честным, беспристрастным и уважаемым человеком. В Крыму его правительство проводило политику, которую в смутную и нестабильную эпоху следует рассматривать как естественную, другим образом было очень трудно и даже невозможно поддерживать мир и покой.⁴⁰

Таким образом, на этом этапе историографии тенденция состояла в том, что в советских публикациях роль Сулькевича как политика, сыгравшем большую роль в истории Крыма в 1918 г., отрицалась и фальсифицировалась, а позднее его имя вовсе исчезло со страниц научных публикаций.

---

³⁹ *История города-героя Севастополя. 1917–1957.* Киев, 1958, с. 83.

⁴⁰ M. Ülküsal. *Kırım'da General Süleyman Sülkeviç Hükümeti* // Emel. 1979, s. 112, s. 1, 2.

Глава ІІІ. Второй Этап Изучения Роли М. Сулькевича В Крыму И В Азербайджане (1918–1920 Гг.)

В данной главе рассматриваются изменения, которые произошли в отношении М. Сулькевича в советской перестроечной историографии и после распада Советского Союза, выясняется, как изменялись оценки его практической деятельности в Крыму и Азербайджане, и с чем эти изменения связаны, и то, как это отразилось на оценках его роли.

С середины 1980-х годов, во время перестройки советского общества, открылись возможности по-новому освещать события прошлого, стали доступны многие ранее закрытые архивные источники (произошла так называемая архивная революция, под которой подразумевается процесс рассекречивания документов, хранящихся в российских архивах), а также мемуарная литература.

Важным фактором, также оказавшим влияние на крымскую историографию, стало образование 12 февраля 1991 г. Крымской АССР в составе Украинской ССР. Теперь в работах крымских историков на первый план вышла тема крымской государственности и тех, кто ее создавал после распада Российской империи, в первые переломные годы.

С развалом СССР и различными коллизиями в российско-украинских отношениях еще больше возрос интерес обществоведов к анализу деятельности Сулькевича в Крыму в 1918 г., причем не только в самом Крыму. О нем стали упоминать на его родине. Минские историки пишут, что такая известная личность, как генерал Сулькевич, который являлся главой правительства Крыма и предводителем армии Азербайджана, был выходцем из Некрашунской парафии (джамиата), в которую входили татары, населявшие близлежащие усадьбы, в том числе Кемейши, где он родился.⁴¹ В книге, изданной в Минске, отмечалось, что при активном участии литовских татар было сформировано мусульманское правительство Сулькевича в

---

⁴¹ С.В. Грибова, А.А. Мискевич. *Татары-мусульмане Некрашунской парафии: история и современность* // Этническая культура. 2022. Т. 4. № 1, с. 8.

Крым. Однако независимым Крым чувствовал себя недолго — до осени 1918 г., когда на его территорию вошли части Добровольческой армии А.И. Деникина.⁴² Такое определение правительства как мусульманского связано с религиозной идентичностью его главы, при котором Крым, на взгляд этих авторов, быстро двигался по пути самостоятельности.

История первого крымского краевого правительства Сулькевича примечательна прежде всего с точки зрения создания на полуострове государственности,⁴³ подчеркивали, например, крымские историки А.Г. и В.Г. Зарубины. Возразим: во-первых, это было вовсе не первое крымское правительство, о чем эти крымские историки знают, но умалчивают. Как уже отмечалось, первым было крымско-татарское правительство (директория), сформированное после провозглашения Крымской Народной Республики в середине декабря 1917 г. Во-вторых, эти авторы стали постоянно подчеркивать, что под самостоятельностью Крыма крымско-татарские политики, контактировавшие с премьер-министром Сулькевичем, понимали возрожденное Крымское ханство.⁴⁴ То есть эти историки пытались убедить прежде всего крымских читателей, что лидеры крымских татар вместе с Сулькевичем хотели якобы возродить этот исторический анахронизм.

В чем же причина того, что именно Сулькевич, по мнению этих историков, встал во главе этого правительства? Из того, что изложено ими, следует, что, с одной стороны, налицо был внешний фактор: в Киеве после переворота гетмана П.П. Скоропадского 29–30 апреля 1918 г. притязания украинской власти на Крым резко усилились; с другой — внутренний фактор, а именно: 18 мая 1918 г. крымско-татарский Курултай (парламент) объявил себя временным Крымским парламентом, берущим в свои руки организацию

---

⁴² С.В. Думін, І.Б. Канапацкі. *Беларускія татары: мінулае і сучаснасць*. Мінск, 1993, с. 142.

⁴³ А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин. *К вопросу о крымском краевом правительстве М.А. Сулькевича (1918 г.)* // Крымский музей. 1994. № 1. Симферополь, 1995, с. 46.

⁴⁴ Там же, с. 47.

краевой власти, т.е. правительства. В этой ситуации реакция общественного (читай: русского. — А.И.) мнения Крыма, по Зарубиным, побудила берлинских политиков остановить выбор на Сулькевиче, который в итоге 5–6 июня 1918 г. и приступил к оформлению коалиционного кабинета. Однако, как считали Зарубины, в Берлине не учли собственных устремлений Сулькевича и его серьезного намерения отстаивать везде и во всем интересы Крыма. Идея самостоятельности Крыма проводилась его правительством. Это касалось, в частности, пограничных проблем между Киевом и Симферополем, который стал столицей суверенного Крыма. 7 июля Сулькевич утвердил инструкцию по проведению государственной границы между Крымом и Украиной.⁴⁵

В отличие от прежней историографии, Зарубины описывают деятельность Сулькевича в Крыму так: во внутренней политике его правительство, с одной стороны, признавало целесообразность сохранения законоположений российского государства, изданных до 25 октября 1917 г., с другой — 30 июля 1918 г. Сулькевич уведомил крымских татар о признании его правительством их культурно-национальной автономии. При Сулькевиче вводилось гражданство Крыма, закрепленное законом от 11 сентября 1918 г.: гражданином края, без различия национального и религиозного, мог стать любой человек, рожденный на крымской земле, если он своим трудом содержал себя и свою семью. Приобрести гражданство мог только приписанный к сословиям и обществам, служащий в государственном или общественном учреждении, проживающий в Крыму не менее трех лет и обладающий судебной и нравственной непорочностью. Любой крымский мусульманин, где бы он ни проживал, при соответствующем ходатайстве имел право на гражданство Крыма.⁴⁶ Эта мера была призвана способствовать массовому возвращению в Крым татар, эмигрировавших в Турцию при царизме.

---

⁴⁵ Там же, с. 47, 48, 49.

⁴⁶ Там же, с. 49, 50, 52.

Однако 15 ноября 1918 г. Сулькевич передал управление Крымом новому правительству. Этот шаг, по мнению Зарубиных, означал следующее: «Так безрезультатно закончилась первая и фактически единственная в XX столетии попытка создания в Крыму самостоятельного государства с опорой на поддержку извне. Итог был предрешен — слишком мощные силы, как магнитом, притягивал к себе полуостров, слишком шаткой была социальная и политическая база краевого правительства».⁴⁷ Речь идет об отсутствии поддержки этого правительства только среди определенной части русского населения Крыма. Между тем татары вместе с другими нерусскими народами Крыма составляли, о чем было известно тогда там, подавляющее большинство его населения, которые не хотели возвращения к власти русских в Крыму.

Что касается шаткости отмеченной социальной базы, то сами же Зарубины утверждают, что кабинет Сулькевича, избегая кардинальных реформ, в самой широкой степени использовал методы государственного регулирования экономики.⁴⁸ То есть правительство проводило такую экономическую политику, которая позволила, как отмечали очевидцы, населению жить при Сулькевиче сносно.

В статье двух других крымских историков уже отмечается, что Сулькевич в мае 1918 г. дал свое согласие на вхождение в первое коалиционное крымское правительство, который пытался создать крымско-татарский политик Дж. Сейдамет, а также подписал меморандум к правительству Украины, в котором заявлялось о самостоятельности Крыма.⁴⁹ В случае создания такого коалиционного правительства (в таком составе: председатель и двое министров — татары, от немцев — трое министров, от русских — также трое министров) Сулькевич стал бы военным министром и министром внутренних дел, но из-за противодействия определенных русских

---

⁴⁷ Там же, с. 55.

⁴⁸ Там же, с. 54.

⁴⁹ К.К. Линев, В.Ф. Шарапа. *Крымское краевое правительство С. Сулькевича // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. 5, с. 228.*

политиков Сейдамету не удалось сформировать его. Тогда Берлин поручил это сделать самому Сулькевичу, который предложил Сейдамету войти в правительство в качестве министра иностранных дел.

Берлин не признал самостоятельность Крыма и считал, что он должен войти в состав Украины, принял решение об автономном вхождении Крыма в состав украинского государства во главе со Скоропадским, но Сулькевич, отмечали его роль эти историки, запретил крымчанам подчиняться указаниям из Киева.⁵⁰ Этот шаг и последующие его действия означают, что марионеткой в руках германских политиков он вовсе не был.

В отношении экономики, на взгляд этих историков, правительство не сумело стабилизировать экономическое положение на полуострове. Денежное обращение было нарушено, в основных отраслях промышленности наблюдался спад производства. Недоставало продовольствия, население, по их оценке, влечило полуголодное существование. В июле 1918 г. во всех городах были введены карточки на хлеб по норме 125 г на человека.⁵¹ О каком населении на самом деле здесь идет речь? Введение здесь карточек произошло из-за резкого роста пришлого населения: сотни тысяч беженцев прибыли из различных регионов и разместились в основном в городах. Так, по свидетельству очевидца, британского журналиста К.Э. Бехгофера, побывавшего в Крыму в 1920 г., там к тому времени осели многие тысячи мигрантов, прибывшие с севера.⁵² Прирост русского населения совершился, главным образом, за счет нетрудовых элементов, бежавших из голодного и красного севера.⁵³ Таким образом, появление при Сулькевиче карточек было своевременной мерой,

---

⁵⁰ Там же, с. 230.

⁵¹ Там же, с. 233. Здесь явный намек, на то, что 125 грамм хлеба была суточная норма хлеба для жителей блокадного Ленинграда в 1941 г.

⁵² С.Е.В. Roberts. *In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920: Being the record of a journey to South Russia, the Crimea, Armenia, Georgia, and Baku in 1919 and 1920.* London, 1921, p. 230.

⁵³ *Красный Крым* (Симферополь). 1921. 24 февраля.

чтобы не допустить голода среди мигрантов-горожан, с чем власти Крыма как раз справились.

6–7 июля 1918 г. его правительство, продолжая осуществлять демократический переход власти, созвало съезд земских гласных для выработки «Временных правил о производстве выборов краевых и уездных земских гласных». На съезде присутствовали представители Курултая и члены правительства. Совет министров 15 июля утвердил эти правила. 18–20 октября 1918 г. в Крыму состоялось совещание краевых земских гласных, которые, однако, единогласно высказались за отставку Сулькевича и выдвинули нового премьер-министра. Правительство Сулькевича 19 октября объявило о созыве краевого парламента, создало комиссию по организации выборов. Сулькевич на 30 октября пригласил 83 представителя различных организаций принять участие в работе парламентской комиссии для выработки «Положения о выборах в краевой парламент».⁵⁴

Чтобы не допустить его избрания, 7–10 ноября 1918 г. съезд губернских земских гласных и представителей от волостных и уездных земств и городов Крыма принял решение о недопустимости дальнейшего пребывания у власти правительства Сулькевича. Земцы обратились к германскому командованию с просьбой отстранить Сулькевича, но получили ответ, что оно не вмешивается во внутренние дела Крыма. 14 ноября Сулькевич сам подал в отставку. 15 ноября было сформировано новое крымское правительство. После всего изложенного вывод этих историков таков: Сулькевич «явно тяготился демократическими и политическими институтами».⁵⁵ Рассуждение представляется алогичным и не следует из изложенных фактов.

Таким образом, на взгляд этих историков, правительство Сулькевича, не имевшее массовой поддержки у населения (читай: у русского населения.

---

⁵⁴ А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин. Указ. соч., с. 55; К.К. Линев, В.Ф. Шарапа. Указ. соч., с. 231, 233.

⁵⁵ К.К. Линев, В.Ф. Шарапа. Указ. соч., с. 232.

— А.И.), находилось в состоянии якобы «летального исхода»,⁵⁶ что не следует из того, что его правительство успело сделать за пять месяцев своей работы, как показали, в частности, действия его дипломатов.

Попытку переосмыслить внешнюю политику Сулькевича предпринял крымский историк А.В. Мальгин, который пишет, что активность в этом направлении была отличительной чертой этого правительства, она также играла существенную роль в международных отношениях в регионе. Сулькевич, по Мальгину, видел основную задачу в том, чтобы создать все предпосылки для признания международным сообществом Крыма в качестве независимого государства. В его правительстве существовали две группы, по-разному представлявшие будущее Крыма: первая группа была представлена Сулькевичем, Сейдаметом и др. В перспективе они видели Крым независимым от России якобы крымско-татарским государством; вторая группа (В.С. Татищев, С.В. Горчаков, В.С. Налбандов) рассматривала самостоятельность Крыма как временное явление и надеялась на вхождение его в состав России после поражения большевиков. В конце концов между группами возникли серьезные расхождения, которые и привели к правительственному кризису.⁵⁷ Никаких веских причин для этого не было. Указанные представители русского и немецкого населения Крыма своим уходом из правительства намеренно спровоцировали этот конфликт.

На крымских историков, которые в период распада СССР касались темы крымской государственности в 1917–1918 гг., влиял тот факт, что в 1992 г. Верховный Совет Крыма принял Конституцию Крыма, в которой провозглашает суверенное государство Республика Крым.

Несмотря на многочисленные факты, приводимые крымскими историками, о том, что Сулькевич создавал независимое государство в

---

⁵⁶ Там же, с. 233.

⁵⁷ А.В. Мальгин. *Внешняя политика крымского краевого правительства генерала Сулькевича* // Крымский музей. 1994. № 1. Симферополь, 1995, с. 57, 58.

Крым, историки Российской Федерации по-прежнему отрицали этот факт, считая Крым при Сулькевиче частью России. На российских историков, как и на крымских, повлиял тот факт, что в 1998 г. Верховный Совет Крыма принял Конституцию Автономной Республики Крым, по которой она являлась частью Украины. Так, Ю.Д. Гражданов (Волгоград) писал, что его правительство якобы выступало за «единую и великую Россию».⁵⁸

Казанские историки в статье «Генерал-лейтенант Сулейман Сулькевич» в сборнике биографических очерков писали, что, став премьер-министром в Крыму, он проводил меры, способствующие укреплению суверенитета Крыма, что вызывало негативную реакцию со стороны Украины, стремившейся, по выражению этих историков, «прибрать полуостров к своим рукам, и вело к конфликту».⁵⁹ Статья эта, как представляется, в большей степени носит пропагандистско-популярный, чем научный характер.

Что касается внутренней политики Сулькевича, то, по мнению, например, В.Д. Зиминной (Москва), после оккупации Крыма немцы пытались сформировать правительство, способное стабилизировать обстановку здесь. Но, по ее выражению, посадить правительство из числа представителей крымско-татарского парламента во главе с Сейдаметом, им не удалось. Эта задача была поручена Сулькевичу, который должен был на паритетной основе создать правительство из всех народов края. Полномочия Сулькевича были далеки от диктаторских.⁶⁰ Иначе говоря, признается, что он был вовсе не диктатор, а реформатор, действующий в интересах всех народов Крыма.

В украинской историографии не происходили какие-либо заметные

---

⁵⁸ Ю.Д. Гражданов. *Антибольшевистское движение и германская интервенция в период Гражданской войны, 1917–1920 гг.*: дисс. ... докт. ист. наук. Волгоград, 1998, с. 302.

⁵⁹ Я. Гришин, Д. Шарафутдинов. *Отчизны верные сыны. О военачальниках – выходцах из древних татарских родов*. Казань, 2001, с. 92–104.

⁶⁰ В.Д. Зимина. *Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг.* М., 2006, с. 129, 130.

перемены в отношении роли Сулькевича в Крыму по сравнению с советской. Так, Т.Б. Быкова (Институт истории Украины НАН Украины) отмечала, что когда Скоропадский обратился к правительству Сулькевича с предложением присоединить Крым к Украине на основе автономии, то его правительство, не желая зависеть от Киева, вело курс на укрепление, по ее выражению, антиукраинской кампании, не имея якобы поддержки среди населения полуострова.⁶¹ Другой сотрудник этого же института, Р. Пыриг, писал, что Сулькевич, находясь в Крыму, по-прежнему якобы являлся убежденным монархистом,⁶² повторяя клише советской историографии.

Попытки историков Российской Федерации пересмотреть роль Сулькевича в Крыму сопровождались новыми противоречиями. Так, В.Г. Зарубин писал, что к 15 июня 1918 г. коалиционное правительство было в целом подобрано. Тем самым делался выбор в пользу стабильности в Крыму при опоре на разнонациональные цензовые элементы. Но через несколько страниц находим у него противоположный тезис: Согласно нынешней терминологии, в Крыму установился авторитарный политический режим при рыночной экономике и с узкой социальной базой.⁶³ Иначе говоря, сначала сказано, что правительство решило опереться на «разнонациональность» (т.е. на все народы) Крыма, а затем — только на «узкую социальную базу» (т.е. на татар).

Прежние стереотипы вновь заполнили другие новейшие публикации историков из различных городов России, с энтузиазмом взявшихся за крымскую тематику. Так, петербургский историк А.С. Пученков сделал

---

⁶¹ Т.Б. Быкова. *Кримські крайові уряди 1918–1919 рр.* // *Сторінки історії*. 2012. № 34, с. 81, 83.

⁶² Р. Пиріг. *Німецькі детермінанти кримської політики гетьмана Павла Скоропадського (травень–грудень 1918 р.)* // *Крим від античності до сьогодення: Історичні студії*. Київ, 2014, с. 386; Он же. *Чому гетьман Павло Скоропадський улітку 1918 р. вдався до економічної блокади Криму?* // *Історія Криму в запитаннях та відповідях*. Київ, 2015, с. 319.

⁶³ В.Г. Зарубин. *Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.)*. Харьков, 2013, с. 85, 89.

очередной ремейк, заявив, что в Крыму был установлен марионеточный режим Сулькевича, что его генеральская диктатура рухнула фактически в одночасье и стала доказательством того, что «националистические режимы, держащиеся лишь на силе иностранных штыков, обречены на гибель»,⁶⁴ что за время своего правления его кабинет не сумел обрести в глазах народа какого-нибудь признания и уважения. С симпатией к ставленнику немцев относились лишь крымские татары.⁶⁵ Под народом Пученков понимает русский народ, с позиции которого он рассматривает всю деятельность Сулькевича, чего особенно не скрывает. Вот что он далее заявил: русская общественность Крыма обвиняла Сулькевича в протатарской политике.⁶⁶ Раз так, то Сулькевич — плохой, никудышный правитель. Следуя русоцентричной логике Пученкова, Сулькевич должен был игнорировать интересы крымских татар.

Другой пример. А.Ю. Бутовский (Тула), А.И. Григоров (Рязань), А.А. Бобков (Феодосия) по-прежнему полагают, что Сулькевич был личностью якобы политически нейтральной и откровенно правых взглядов.⁶⁷ Авторы запутались в оценках Сулькевича, считая его человеком с таким взаимоисключающими взглядами.

В другой статье Бутовский дал совершенно иной взгляд на Сулькевича, которого он характеризовал как одну из ключевых фигур в истории Крыма. Несмотря на постоянное упоминание его личности в многочисленных

---

⁶⁴ А.С. Пученков. *Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г.: к постановке проблемы* // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф. г. Санкт-Петербург. 29 нояб. 2013 г. СПб., 2014, с. 153, 156.

⁶⁵ А.С. Пученков. *Правительство Соломона Крыма: история неудавшейся либеральной попытки эпохи Гражданской войны* // Крым: проблемы истории: сборник статей. М., 2016, с. 187.

⁶⁶ Там же, с. 209.

⁶⁷ А.Ю. Бутовский, А.И. Григоров, А.А. Бобков. *К истории 1-го Мусульманского стрелкового корпуса российской армии (ноябрь 1917 г. – август 1918 г.)* // История и археология Крыма. 2017. № 5, с. 378.

работах по гражданской войне в России, на сегодняшний день его биографии, по мнению Бутовского, не посвящено ни одной полноценной работы. Он пишет, что до сих пор не было обращено внимание на его военно-научную и публицистическую деятельность до 1917 г.⁶⁸

Продолжая углубляться в изучение деятельности Сулькевича в Крыму, российские историки отмечали, что, принимая власть в свои руки, правительство Сулькевича сильно рисковало. Дело в том, что оно на первом этапе было полностью лишено финансовых средств. В Крыму в результате деятельности большевиков в январе—апреле 1918 г. экономика края не просто пострадала, а почти прекратились финансово-экономические отношения и в большинстве случаев господствовал натуральный обмен. Наличные денежные знаки и золотые запасы, хранимые в банках, были полностью изъяты большевиками во время их бегства из Крыма в апреле 1918 г. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные крымскому краевому правительству, деятельность его министерств и ведомств, остается, по Бутовскому и Бобкову, практически не изученной исторической наукой.⁶⁹ Иными словами, настоящий анализ его деятельности в Крыму только теперь начинается.

Петербургские историки продолжают акцентировать внимание на том, что германская администрация поставила мусульманина во главе крымского правительства для того, чтобы вызвать несомненные симпатии у крымских татар, что Сулькевич тогда постоянно подчеркивал свою принадлежность к исламу, предпочитал, чтобы в документах этого периода его называли Сулейманом.⁷⁰ Выбор Сулькевича обоснован как с

---

⁶⁸ А.Ю. Бутовский. *Матвей Александрович Сулькевич. История жизни генерал-лейтенанта Генерального штаба России, военная и общественная деятельность...*

⁶⁹ А.Ю. Бутовский, А.А. Бобков. Указ. соч., с. 4, 5.

⁷⁰ В.В. Калиновский, А.С. Пученков. *Этноконфессиональный фактор в деятельности крымского краевого правительства М.А. Сулькевича (июнь—ноябрь 1918 г.)* // Вопросы истории. 2020. № 11-1, с. 21.

политологической, так и с управленческой точки зрения, если учесть, что большинство коренных крымчан составляли татары-мусульмане.

Отмечая, что Сулькевич сформировал правительство, где были представлены основные этнические группы полуострова, что он оказывал расположение и русским, и крымским татарам одновременно,⁷¹ петербургские историки, однако, делают странный вывод: Двойственная политика Сулькевича, проявлявшаяся в вопросах межнациональных и межконфессиональных отношений, не только не позволила ему укрепить свою власть, но и оттолкнула от него почти всех возможных сторонников. Сулькевичу не помогли и его, по их выражению, заигрывания с крымскими татарами; в свою очередь русская община Крыма, не пожелавшая забыть якобы пренебрежения к ее интересам, поддержки ему не оказала. Уход Сулькевича от власти осуществился не только бескровно, но и незаметно.⁷²

Во-первых, получается, что национальная политика Сулькевича, направленная на учет интересов всех народов Крыма, по логике этих историков, была неправильной, привела лишь к тому, что он якобы остался без поддержки. На взгляд же крымского историка Н.В. Яблоновской, правительство Сулькевича, в отличие от своих предшественников-большевиков и последующих администраций А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, попыталось учесть интересы различных этносов Крыма.⁷³ Во-вторых, под русской общиной в данном историческом контексте надо понимать определенную социальную группу русских людей Крыма, у которых была общая цель — убрать от власти татарина-мусульманина Сулькевича, и потому с негодованием отвергавших все его предложения, не хотевших тем самым признать равноправие религий, а фактически и равноправие народов. Кардинальной слабостью русских имперцев Крыма

---

⁷¹ Там же, с. 21–23.

⁷² Там же, с. 27.

⁷³ Н.В. Яблоновская. *Крымская этническая пресса в 1918 г.: под властью ревкомов и крымских краевых правительств* // История отечественных СМИ. 2021. № 1 (6), с. 16.

было то, что они заявляла о необходимости восстановления «единой и неделимой России», то есть реставрации великорусской государственности (под лозунгом «Россия для русских»), не считаясь при этом с мнением большинства населения Крыма, навязывая ему фактически снова унижительный статус инородцев и иноверцев.

В-третьих, петербургские историки сделали здесь фактически признание того, что Сулькевич осуществил мирную передачу власти, ушел от власти, не держась за нее во что бы то ни стало, поскольку не хотел гражданской войны в своем государстве. Ведь это, объективно говоря, огромная заслуга Сулькевича, о которой историки даже не задумались, по инерции во всем полагаясь на сочинения русских мемуаристов и их особенной рефлексии, которая состояла в огульной критике Сулькевича и его правительства.

В 2015 г. Пученков опубликовал мемуары В.Д. Набокова (1869–1922), министра юстиции крымского краевого правительства, которое было сформировано сразу же после отставки Сулькевича. Мемуарист писал: «Управление генерала Сулькевича, проникнутое реакционным духом, и вынужденное раболепствовать перед немцами, оказалось в высшей степени непопулярным. Личный состав правительства, начиная с его главы, не пользовался ни авторитетом, ни доверием».⁷⁴ Все эти и другие прежние нарративы в который раз повторяются в том или ином виде в текстах Пученкова и других авторов. Пученков выдвинул несколько ремейков: Сулькевич был «убежденным монархистом», «ставленником немцев и не пользовался большим авторитетом у жителей Крыма»; «незадачливый “крымский хан” (этого титула Сулькевич безуспешно добивался от германского кайзера)»; «немцы были уверены, что Сулькевич сохранит на полуострове спокойствие и порядок...».⁷⁵

---

⁷⁴ В.Д. Набоков. «Крым в 1918/19 гг.» // Новейшая история России. 2015. № 1, с. 225.

⁷⁵ А. Пученков. *Крымское лихолетье* // Историк. 2018. № 9, с. 60, 62.

Многие историки, используя мемуары, по-прежнему относятся к ним не критически, выделяя только то, что наиболее рельефно, по их мнению, показывает сугубо негативные качества Сулькевича. Особенно распространен у них следующий фрагмент из мемуаров В.А. Оболенского: Сулькевич «был мусульманином по вероисповеданию и татарин по происхождению (из литовских татар), и это придавало правительству национальный характер, но одновременно он был генералом царской службы, не зараженным революционными веяниями, *а потому они рассчитывали, что он сумеет сохранить спокойствие и порядок* (курсив мой. — А.И.). Наконец, он прежде всего дорожил своим материальным благополучием и внешним почетом, ради чего был готов беспрекословно исполнять их волю».⁷⁶

Сравним: Сулькевич «был мусульманином по вероисповеданию и татарин по происхождению (из литовских татар), что придавало крымскому правительству национальный характер, но одновременно он был генералом русской службы, не зараженным революционными веяниями. Наконец, он прежде всего дорожил своим материальным положением и внешним почетом, ради сохранения коих был готов беспрекословно исполнять их волю».⁷⁷ Выделенная курсивом фраза отсутствует в крымском переиздании мемуаров, что, кстати, показывает качество этой работы.

А.С. Пученков и В.Г. Зарубин и на страницах обобщающего коллективного труда, изданного в Москве, в очередной раз почти дословно используют устаревшие нарративы: «нельзя не признать» того, что Сулькевич «казался немцам исключительно удобной фигурой: царский генерал, литовский татарин по происхождению (это придавало правительству *национальный* (читай: татарский; курсив мой. — А.И.) характер), мусульманин, убежденный противник всякого рода революций, человек», в

---

⁷⁶ В. Оболенский. *Моя жизнь. Мои современники*. Париж, 1988, с. 136.

⁷⁷ В.А. Оболенский. *Крым в 1917–1920 годы* // Крымский архив. 1994. № 1, с. 80.

Крым совершенно неизвестный и не имевший никакой политической программы. «Немцы были убеждены», что Сулькевич «сохранит в Крыму спокойствие и порядок и обеспечит для них режим наибольшего благоприятствования. Его кандидатура показалась германскому командованию наиболее удобной, поэтому именно он и получил “ярлык” из рук оккупационных властей».⁷⁸ Вновь стиль изложения, который показывает откровенно неприязненное отношение к этой личности историков, при этом допускающих явные противоречия.

На этой же странице ими сказано, что политические взгляды Сулькевича якобы очевидны: генерал был «убежденным монархистом» (курсив мой. — А.И.). По своему составу его правительство представляло собой «причудливое смешение разных национальных сил»,⁷⁹ а чуть ранее утверждалось, что это национальное (татарское) правительство. Далее дана такая пренебрежительная оценка Сулькевича как «недостаточный для правителя Крыма в революционное время масштаб личности». В целом же главная трудность для Сулькевича, по их мнению, состояла якобы в том, что «Крым ассоциировал себя именно в государственной связи с Россией, воспринимая себя как часть российского государства; лишь временно Крым находил возможным считать себя независимым государством».⁸⁰ Под Крымом здесь вновь понимается только русская часть его населения, которая, по Пученкову и Зарубину, хотела вернуться в состав меньшевистской России.

Азербайджанские историки большое внимание уделяют роли Сулькевича в истории своей страны в 1919–1920 гг. В марте 1919 г. Сулькевич прибыл в Азербайджанскую Республику и был назначен начальником Генштаба ее вооруженных сил. Находясь в Баку, он продолжал интересоваться исламом, его историей и культурой. Когда в конце декабря

---

⁷⁸ История Крыма: в 2 т. М., 2017. Т. 2, с. 412.

⁷⁹ Там же, с. 413.

⁸⁰ Там же, с. 412, 413, 417.

1919 г. в Баку было создано Общество изучения мусульманского Востока при Бакинском университете, то среди его членов было много видных ученых, общественных деятелей, деятелей культуры, военных, в том числе Сулькевич.⁸¹

17 февраля 1920 г. Сулькевич уволился из азербайджанской армии по собственному желанию.⁸² Причина его отставки, как отмечал бакинский историк А. Балаев, состояла в том, что он предлагал военно-политическому руководству Азербайджанской Республики предпринять меры по укреплению границы Азербайджана с советской Россией, в частности занять Дербентскую долину. Тем более что кумыки, чеченцы и ингуши неоднократно обращались к Баку с просьбой принять их под покровительство Азербайджана. Однако его предложения были отвергнуты министром обороны С. Мехмандаровым, азербайджанцем и также генералом царской армии. Руководство азербайджанской армии оказалось в руках генералов, которые не считали, что есть угроза от советской России.⁸³ Более того, председатель правительства Азербайджанской Республики М.-Г. Гаджинский не опасался нападения большевиков, так как надеялся начать торговые отношения с Москвой.⁸⁴ Сулькевич как военный и политический аналитик правильно оценил перспективы отношений между двумя этими странами, отчетливо понимал, что из Москвы надвигалась угроза независимости этой республики. Игнорирование же этой опасности высшим военно-политическим руководством Азербайджанской Республики стало

---

⁸¹ А.Д. кызы Гусейнова. *Деятельность неправительственных общественных организаций период АДР (1918–1920)*. Автореферат ... канд. ист. наук. Баку, 1996, с. 11–12.

⁸² А.В. Мальгин. Сулькевич М.А. // *Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. М., 2021. Т. 3, с. 362.*

⁸³ А. Балаев. *Азербайджанская революция 1917–1918 годов в современной историографии* // *Падение империи, революция и гражданская война в России*. М., 2010, с. 156.

⁸⁴ *Азербайджанская Демократическая Республика. Архивные документы Великобритании*. Баку, 2008, р. 492.

одной из основных причин ее падения и вторжения в апреле 1920 г. на ее территорию Красной армии.

После отставки, по слухам, которые появились в белой прессе, Сулькевич находился в Турции. Так, писатель А.И. Куприн, находясь в Финляндии, писал в столичной «Новой русской газете» в мае 1920 г.: «Интересна судьба Сулькевича, этого самочинного крымского диктатора, говорившего столь веским языком от имени самостоятельной Тавриды. Когда наступили времена бурные и тяжелые, этот властитель стремительно бежал из Крыма, захватив с собой несколько миллионов общественных денег. *Ныне* (курсив мой. — АИ.) он находится в Константинополе, где открыл вместе с подходящими компаньонами игорное казино с рулеткой... Эта мятежная судьба ясно показывает, как во времена смятения одинаково легок путь от каморки швейцара под лестницей до белого коня диктатора, а оттуда до кресла крупье в игорном вертепе с напитками от хозяина...».⁸⁵ Очевидно, что все это выдумки русской прессы, по сути, клеветавшей на него, очернявшей его образ в глазах современников. Несмотря на явную неприязнь писателя к Сулькевичу, он не мог не признать, что его судьба была «интересна», «мятежна», что его стиль поведения был веским для населения не только Крыма, но и всей Таврической губернии, которая была при нем самостоятельна.

К середине мая 1920 г. Красная армия контролировала большую часть Азербайджана, а азербайджанские войска вскоре влились в ее ряды. Часть генералитета и офицерского корпуса, такие как бывший военный министр и его заместитель, приняли советскую власть и перешли на службу к

---

⁸⁵ Цит. по: В.Д. Зимина. Указ. соч., с. 371–372. Здесь ошибочно указано, что номер этой эмигрантской газета издан был 19 марта 1920 г., на самом деле эта публикация относится к номеру от 16 мая 1920 г. Это указано в сборнике, где собраны публицистические сочинения Куприна. Причем его составитель финский литературовед и лингвист Б. Хеллман в примечании о Сулькевиче пишет, что тот якобы намеревался создать мусульманское Крымское ханство под покровительством Турции и Германии (А.И. Куприн. *Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919-1921)*. СПб, 2001, с. 404).

большевикам. Другие — среди них Сулькевич — отказались от сотрудничества с коммунистами и были расстреляны в Баку 15 июля 1920 г.⁸⁶ Перед расстрелом он сказал находившимся в камере арестантам: «Счастлив, что умираю солдатом мусульманской армии. Прощайте!». ⁸⁷ Свою привязанность к мусульманской культуре он сохранил до конца своих дней.

В отличие от бытующих в российской историографии штампов в отношении Сулькевича, известная американская исследовательница России Л. Энгельштейн, описывая деятельность Мацея (Сулеймана) Сулькевича в Крыму, отметила, что именно он создал здесь краевое правительство и что его собственная биография отражала бесконечную культурную и демографическую сложность бывшей империи.⁸⁸ Она совершенно правильно не называет его ни монархистом, ни марионеткой.

В современной турецкой историографии продолжается изучение деятельности Сулькевича в Крыму: согласно одной точке зрения, берлинские политики рассматривали Сулькевича в качестве главы марионеточного правительства. Сам же генерал не проявлял интереса к социальным, экономическим и политическим нуждам крымских татар.⁸⁹ Иначе говоря, называть его правительство протатарским нет оснований. В то же время Сулькевич вовсе не стал марионеткой, как ожидалось в Берлине.

Согласно другой точке зрения, существовали две основные взаимосвязанные причины, по которым в Берлине выбрали в качестве премьер-министра Сулькевича вместо Сейдамета, и они были связаны с

---

⁸⁶ А.Н. Гаджиев, Я.С. оглы Абдуллаев. *Формирование вооруженных сил Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.)* // Кlio. 2018. № 10 (142), с. 147.

⁸⁷ Цит. по: С. Алиева. *Татары в Азербайджане*. Казань, 2018, с. 22.

⁸⁸ L. Engelstein. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. New York, 2018, p. 547.

⁸⁹ A. Güzay. *Kırım'da Alman İşgali ve Osmanlı Devleti'nin Tutumu Üzerine Bir Değerlendirme (1918)* // Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. Cilt 2. Sayı 4. Temmuz 2020, s. 457.

отношениями между Берлином и Стамбулом. Во-первых, Германия столкнулась с позицией османского правительства в отношении будущего Кавказа, что открыло Сулькевичу возможность уравновесить эту ситуацию в Крыму. Во-вторых, из-за близости Крымско-татарского парламента к османскому правительству в Берлине не могли поддержать создание правительства лицом, близким к Турции. Сулькевич хотел быть полностью независимым и свободным в своей деятельности и вместе с тем проводил сбалансированную политику с тем, чтобы получить поддержку от всех частей крымского общества.⁹⁰ А это подтверждает, с политологической точки зрения, правильность такого подхода к управлению обществом.

Характерная черта всей современной историографии — путаница в хронологическом изложении событий 1918 г. Одни историки при описании событий в Крыму используют один (старый (юлианский) или новый (григорианский) стиль или оба вместе), другие — какой-то один из них. Как правило, в историографии указывается, что его правительство было создано 15 июня 1918 г. При этом одни историки пишут, что это правительство было создано 25 июня⁹¹ или 12 (25) июня 1918 г.⁹², другие — 23 мая (15 июня) 1918 г.⁹³ Подобный стиль изложения, естественно, нарушает элементарную логику изложения, причинно-следственные связи, принцип историзма вообще.

Таким образом, к настоящему времени М.А.(С.)(М.) Сулькевич стал частью истории России (1917 г.), Крыма (1918 г.) и Азербайджана (1919–1920 гг.), получил довольно широкое и в то же время преимущественно

---

⁹⁰ S. Ural, N. Hangül. *Türk Basınında Sovyet İhtilali Sonrası Kırım'ın Durumu (1918'de Yaşanan Gelişmeler)* // XVIII. Türk Tarih Kongresi Ankara: 1–5 Eylül 2018 Kongreye Sunulan Bildiriler IX. cilt. Ankara, 2022, s. 623.

⁹¹ Напр.: В.Д. Зимина. Указ. соч., с. 130.

⁹² А.В. Мальгин. Указ. соч., с. 56, 57; А.Ю. Бутовский, А.И. Григоров, А.А. Бобков. Указ. соч., с. 371.

⁹³ А.Ю. Бутовский, А.А. Бобков. *Корчемная стража, как вооруженная сила акцизного ведомства Министерства финансов Крымского края (июнь 1918 – март 1919 гг.)* // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2018. 7/2, с. 4.

негативное и противоречивое освещение в исторической науке, начиная с 1920-х годов. Для первого этапа историографии — советских публикаций — характерны противоречивые и предвзятые идеолого-пропагандистские клише, рисующие в Сулькевича как врага большевиков и советской власти. Второму этапу историографии присущи разные подходы к освещению роли Сулькевича в межнациональных и межконфессиональных отношениях в Крыму. На многих публикациях явно и глубоко отпечатались следы современной геополитической, идеологической конъюнктуры конца XX в. — начала XXI в. в отношении мусульманского мира в целом, тех или иных его частей. Многие современные исследователи, как и прежде, объясняют поведение Сулькевича устаревшими штампами. Подобные публикации имеют больше пропагандистскую направленность, чем научную.

В новейших исследованиях правительство Сулькевича оценивается по-прежнему преимущественно предвзято: большинство современных историков сходятся в том, что ему была присуща якобы несамостоятельность в своих решениях, а также несостоятельность подчиненных ему органов власти. Эта тенденция, заложенная в 1920-х годах советской пропагандой и эмигрантской мемуаристикой, сохранилась, не подверглась сколько-нибудь глубокому пересмотру. Хотя делались попытки подойти к тому, что действительно сделал Сулькевич в 1918 г. в Крыму, когда он был у власти, но все они, в сущности, оказывались ремейками того, что осталось от 20-х — 30-х годов XX века. Многие публикации на эту тему самостоятельного значения не имеют, являются преимущественно компиляциями и повторами, клишированными текстами, нового фактического материала почти не содержат.

Глава IV. М. Сулькевич В Мемуарах И Прессе

Данная глава отражает оценки деятельности М. Сулькевича в Крыму со стороны мемуаристов, у которых были разные взгляды на происходившие тогда события в бывшей Российской империи, а также впечатления журналистов, встречавшихся с Сулькевичем в 1918 г.

Обратимся прежде всего к мемуарам генерала А.И. Деникина, который в 1918 г. являлся одним из основных руководителей Белого движения в годы гражданской войны, был его лидером на юге России. Он был знаком с Сулькевичем, о котором вспоминал так: «Русский генерал Сулькевич, по происхождению литовский татарин, избранный немцами, вместо ханского титула принужден был удовлетвориться званием премьер-министра крымского краевого правительства. В декларации, одобренной немецким командованием, Сулькевич определял целью образованной им власти “сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановление законности и порядка...” Сулькевич ... добивался признания независимости Крыма и защиты его от Украины. Сбитая с толку крымская общественность видела выход “в объединении Крыма с Украиной на условиях широкой автономии”, полагая, что “путь объединения с Россией лежит только через Украину”... Политика крымского правительства была... правого направления... встречая оппозицию в социалистических и либеральных кругах земских и городских собраний...».⁹⁴

Во-первых, появление Сулькевича в качестве правителя независимого, в том числе от Деникина, Крыма, как следует из этих деникинских рассуждений, вызвало явное раздражение у проигравшего в гражданской войне белого генерала, стремящегося реанимировать русскую монархию и воскресить рухнувшую империю.⁹⁵ Во-вторых, сам же Деникин, как следует из

---

⁹⁴ А.И. Деникин. *Очерки Русской смуты. Том третий. Белое движение и борьба добровольческой армии. Май — октябрь 1918 год.* Берлин, 1924, с. 42.

⁹⁵ Там же.

этих же его нарративов, все еще не осознавал причин той катастрофы, постигшей его и многих других русских генералов и политиков. Имперский деникинский взгляд на Сулькевича до сих пор популярен среди части историков и особенно тех, кто склонен, по сути, к навязыванию его как единственной верной точки зрения при анализе, в частности, крымских событий.

У других современников Сулькевича были несколько иные впечатления от него лично и его политики в Крыму. 11 (24) июня 1918 г. репортер М.М. Кринский⁹⁶ взял интервью у Сулькевича, которое было опубликовано в московской газете «Заря России» 4 июля 1918 г. Этот журналист, приехавший в Симферополь из Харькова, начал статью с того, что написал: «...Крым объявлен государством, а Симферополь — его столицей». За объяснениями он отправился к Сулькевичу в его резиденцию. Генерал был одет в «старую, поношенную тужурку со жгутами на плечах», и он «совершенно не похож на татарина». Сулькевич первым делом спросил журналиста: «Скажите, как выбрались из Москвы, покормились ли проездом через Украину, сыты ли сейчас?» Тот, успокоив, по его словам, радушного хозяина, задал ему несколько вопросов: в чем сущность текущего управления Крымом, как сильно влияние немцев на процесс устройства нового государства, причины происшедшего переворота? Вот что ответил Сулькевич: «Сущность управления? Да никакой сущности, никакого статута, как и никакого крымского государства не существует. С точки зрения международного права крымское государство — это анекдот, а я, царь его, хан или президент, похож на швейцарского адмирала. Но не будем останавливаться на противоречиях между обычным пониманием государственности и его юридическими формами, а обратимся к сущности момента, пережитого и ныне переживаемого, подойдем к положению Крыма, так сказать, с реальной стороны.

---

⁹⁶ Кринский Михаил Михайлович — журналист, работал в газетах «Русское слово», «День», «Утро России» («Заря России»), закрытых большевиками в первой половине 1918 г.

И вот, что приходится сказать: произошло неизбежное. Кто-то должен был вмешаться, кто-то должен был положить конец разгулу и свистопляске распоясавшейся черни и набросить на нее горячешную рубашку. И вот в такой момент, когда человеческая личность унижена, обездолена и попорана в своих самых элементарных правах, спасительным средством может явиться одна только диктатура, исходящая от друзей человечества и сторонников порядка и подлинной свободы, основанной на уважении личных и имущественных интересов населения края.

Да, я диктатор, временный, подчеркиваю это, диктатор. По складу души своей я отнюдь не деспот и никому не мщу, так как не имею политических врагов, политикой, вообще, никогда не занимался и, служа российскому государству, никогда не занимал административных должностей.

Московские большевики пишут обо мне в своих органах много нелепого. Что у меня нет административного опыта, они совершенно правы, но что моя диктатура уничтожит свободу и возвратит реакцию, что она будто бы ограничит права отдельных национальностей — это, извините меня за выражение, они лгут-с. В частности, сообщение большевистских газет, что евреи лишатся своих прав, является недобросовестным вымыслом.

Сегодня ночью, — продолжал генерал, — состоится заседание сформированного мною кабинета министров, на котором будет подписана декларация крымского краевого правительства. Содержание декларации даст исчерпывающий ответ на поставленные вами вопросы и подробно ознакомит с планом предстоящей деятельности правительства. Кабинет состоит из людей деловых, опытных и работающих. Я, председатель и составитель его, считаю, что только реальные деятели могут что-нибудь сделать, а утопистам и людям подвластным, у тех или иных политических течений не может быть места у власти.

Мне пришлось вести переговоры со ставленниками отдельных партий, но разочаровался я с первых же шагов. Еще ни о чем не сговорились,

ничего не решили, а партийные споры из-за количества мест в кабинете и политические разногласия между ними чуть не вызвали усобицы. Мне сделалось ясно, что в атмосфере партийной вражды общих интересов и полезных достижений быть не может и пришлось махнуть на них рукой.

Помимо председательствования, на мою долю выпало быть носителем еще трех министерских портфелей: военного, морского и внутренних дел. Но с какой радостью я сам себя развенчаю от всех этих административных величий, как только наступит момент передачи края, на оборудование которого некогда великое государство затратило миллиарды народных денег. Ведь один только Севастопольский порт стоит сотни миллионов! Главная цель моя и всего кабинета — это спасти и сохранить Крым, сделать этот прекрасный уголок России местом покоя для нуждающихся в отдыхе российских граждан. Это, конечно, будет достигнуто только через диктатуру и диктатуру значительную и твердую».

Даже, допустим, журналист в чем-то не вполне точно передал слова Сулькевича, тем не менее ясно, что тот старался через влиятельную московскую газету хотел произвести определенный эффект на русскую общественность, убедить сторонников «единой» России, что никакого отделения Крыма от нее он не задумал, что у него нет больших политических амбиций, что он лишь создал временное правительство, которое стремилось навести порядок в Крыму, не более. Конечно, как опытный военачальник он не стал, естественно, раскрывать перед журналистом из Москвы, которая была в руках большевиков, свои истинные цели, скрывал их по возможности от огласки. Его ответы на вопросы тем не менее позволяют выявить определенную информацию, исходя из того, что он говорил, кому говорил, как говорил и какие делал выводы.

Главное, из его рассуждений следует, что в ходе революционных перемен в Крыму вместе с изменениями в праве и морали, политических учреждениях и институтах, содержании общественного сознания у него самого происходила эволюция взглядов на общество, власть и другие вещи.

Конечно, для него стали иметь большое значение оценка, даваемая ему другими, особенно в прессе, а также его социальный статус, престиж и авторитет. Это интервью свидетельствует, что Сулькевич менялся как личность, становясь все больше самостоятельным политиком, учитывающим интересы различных социальных групп населения Крыма, а также международную обстановку, итоги окончания Первой мировой войны.

В петроградской газете «Вечерние огни» 27 (14) июня 1918 г. появилась его первая краткая биография, в которой содержалась важная информация о том, что он собирался делать в Крыму: «Новый премьер подчеркнул, что диктатуры он не вводит, но будет настойчиво вести край к Учредительному собранию. Новое правительство будет сохранять строгий нейтралитет в вопросах внешней политики, без вмешательства в какие-либо политические комбинации. В первую очередь должны быть установлены границы Крыма и Украины... Затем будет приступлено к формированию крымских войск, но более 1 процента населения в армию призвано не будет».

В другой заметке в этой же газете отмечается, что, выступая в крымско-татарском парламенте 10 мая 1918 г., Сулькевич подчеркнул, что судьба Крыма решится международным конгрессом с участием представителя Крыма.⁹⁷ 6 июля 1918 г. выступая с приветственной речью на открытии в Симферополе краевого совещания земских гласных 5 крымских уездов, Сулькевич заявил, что правительство будет твердо отстаивать независимость Крыма как самостоятельное территориальное образование.⁹⁸ То есть он рассчитывал, что на мирной конференции, которая начнет работать по окончании мировой войны, крымский вопрос получит разрешение при поддержке победивших держав. Таким представителем, надо думать, он видел самого себя.

Данный план, с политологической точки зрения, был в интересах всего населения Крыма, фактически это был замысел того, как осуществить

---

⁹⁷ *Вечерние огни* (Петроград). 1918. 23 (10) июля.

⁹⁸ *Крымский вестник* (Севастополь). 1918. 9 (25) июля.

самоопределение народов полуострова при поддержке мирового сообщества. Между тем левая французская пресса, которая освещала события в Крыму, была настроена весьма критически к Сулькевичу, ассоциируя его с «белогвардейщиной». Так, в парижской социалистической газете его называли «новым диктатором Крыма».⁹⁹

Очевидец этих событий П.С. Бобровский вспоминал, что Сулькевич «был мусульманином... Только его мусульманство и выдвинуло его вообще на ответственный пост главы правительства...». Его правительство «старательно изгоняло из терминологии своих постановлений и своей административной практики все то, что указывало на принадлежность Крыма к России», осуществляло «культивирование в противовес “губерний” слова “край” в применении к Крыму», «упорно подчеркивало отдельное, самостоятельное, независимое от России существование Крыма». Широкие круги населения были довольны создавшимся положением,¹⁰⁰ под которыми имелись в виду не только татары, но другие жители, в том числе русские и украинцы.

Другой русский эмигрант, который оставил подробные мемуары, опубликованные в Европе в том же 1924 г., о событиях в Крыму в 1918 г., — князь В.А. Оболенский (депутат I Государственной думы от Таврической губернии). Прибыв в Крым, он возглавил в 1918 г. Таврическое губернское земское собрание. В его воспоминаниях есть глава под названием «Крым под управлением генерала Сулькевича». Здесь он описал, как в первый же день (в начале июня 1918 г.) после своего избрания отправился к премьер-министру Сулькевичу, чтобы вести переговоры о финансовом положении земства, у которого не было никаких средств для своей работы. Тот встретил князя «весьма радушно (вновь это определение его стиля поведения. — А.И.), напоминая размахистыми манерами и непринужденной болтовней

---

⁹⁹ *Le Populaire* (Paris). 1918. 29 Juin.

¹⁰⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 6, 7, 8.

хлебосольного помещика доброго старого времени. Он старался щегольнуть передо мной, — иронизировал князь, — либеральным образом мыслей, говорил о том, что намерен работать рука об руку с местной общественностью и т.д., вскользь упомянул, очевидно желая этим мне импонировать (хоть генерал, мол, а все-таки вращался в либеральном обществе), о своем близком знакомстве и родстве с М.И. Туган-Барановским и выразил уверенность, что М.И. не откажется взять в его правительстве портфель министра народного просвещения. Затем говорил о своей любви к России и о том, что он не сепаратист, а взял на себя тяжелое бремя власти в Крыму только для того, чтобы водворить порядок в этой части нашего общего отечества».

Что же особенно неприятно было князю во время этой встречи? «Пока он рассыпался передо мной, — вспоминал он, — своим сочным, приятным генеральским баритоном, я смотрел на треугольник зеленого шелка — эмблема пророка Магомета, — нашитый на борт его русского военного мундира, на золотые жгуты, сменившие на его плечах генеральские погоны, и на лежавшую на столе фуражку, на которой знак полумесяца заменил русскую офицерскую кокарду. Он уловил мой взгляд, немного загнулся, сконфуженно замигал, но, быстро оправившись, продолжал осыпать меня банальными либерально-патриотическими фразами».¹⁰¹ Из этого эпизода следует, что до 1917 г. Сулькевич был хорошо знаком не только с русскими либералами и их взглядами, но и известным марксистом Туган-Барановским.

Далее Оболенский, раскрывая свое истинное отношение к Сулькевичу, прямо написал, его правительство было, «во-первых, не русское правительство, а правительство — немецко-татарского блока, во-вторых, правительство, послушное велениям германского штаба. Правду сказать, немецко-татарский блок был в значительной степени фикцией,

---

¹⁰¹ В.А. Оболенский. *Крым в 1917–1920 гг.* // На чужой стороне. Т. 5. 1924, с. 34–35.

прикрывавшей неудачную попытку германского командования создать нерусскую местную власть в обрусевшем Крыму».¹⁰² Обратимся к составу этого правительства.

В него вошли тогда 7 человек: Сулькевич (премьер-министр, министр внутренних, военных и морских дел); 3 представителя немецкого населения — Т. Рапп (министр земледелия, краевых имуществ и снабжений), В.С. Налбандов (краевой контролер и краевой секретарь и временно управляющий Министерством исповеданий и народного просвещения), генерал-майор Л.Л. Фриман (министр путей сообщения, общественных работ, почты и телеграфа); 2 представителя русского населения — князь С.В. Горчаков (товарищ министра внутренних дел, до Февральской революции таврический вице-губернатор), граф В.С. Татищев (министр финансов, промышленности, торговли и труда и временный управляющий Министерством юстиции); 1 представитель крымско-татарского Курултая (парламента) — Дж. Сейдамет (министр иностранных дел).

По свидетельству Бобровского, правительство Сулькевича «на самом деле ни по составу, ни по направлению своей деятельности... не может быть вполне признано» татарским.¹⁰³ Таким образом, состав правительства свидетельствует о том, что Сулькевич подбирал своих министров, чтобы объединить эти основные группы населения Крыма, вопреки измышлениям Оболенского о немецко-татарском правительстве.

На взгляд Налбандова, это правительство заслуживало иной оценки, о чем он в своих мемуарах написал так: «История возникновения “Крымского правительства” и его деятельности в будущем, несомненно, составит главу истории русской революции, и, думается, необходимые материалы должны быть сохранены всеми участниками этого глубоко печального периода жизни

---

¹⁰² Там же, с. 35.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

России».¹⁰⁴ То есть он фактически признался в важности того, что было сделано правительством Сулькевича.

Во-вторых, никакого, по Оболенскому, обрусевшего Крыма тогда не было, если учесть, что подавляющее большинство его населения составляли нерусские народы, которые вовсе не были ассимилированы и твердо сохраняли свою национальную и религиозную идентичности.

В-третьих, Оболенский прямо заявил, что подходит ко всему, что было тогда в Крыму исключительно с русской точки зрения: «В общем, я бы сказал, что правительство Сулькевича было не столько с русской точки зрения антинациональным, сколько анациональным. Оно не столько опиралось на немецкие шттыки, сколько находилось от них в зависимости и должно было беспрекословно выполнять волю германского штаба. А воля эта по директивам из Берлина была направлена на расчленение России».¹⁰⁵ Как хорошо было известно и мемуаристам, в марте 1918 г. между Германией и советской Россией был заключен Брестский мирный договор, а Сулькевич пришел к власти только в июне 1918 г. Это уже пример перестановки фактов, который часто использовался мемуаристами.

В отношении внутренней политики, которую Сулькевич проводил в Крыму, Оболенский отметил: «... вспоминая теперь, как жилось в это время обывателям в Крыму, я должен признаться, что жилось сносно, лучше, чем в предыдущие и последующие периоды революции и гражданской войны в Крыму. Тут дело, конечно, не в самом правительстве», а в том, что «под властью железной немецкой руки жизнь, взбудораженная революцией, начинала приходить в норму, население принялось за работу, стало платить налоги. Торговля налаживалась, цены росли умеренно».¹⁰⁶ Конечно, не германское командование занималось крымской экономикой, а

---

¹⁰⁴ *Записки В.С. Налбандова* // Красный архив. Исторический журнал. 1927. Т. 3 (22), с. 97.

¹⁰⁵ Там же, с. 36.

¹⁰⁶ Там же, с. 39–40.

правительство Сулькевича, которое сумело принять такие меры, которые привели к тому, что повседневная жизнь жителей Крыма была на таком уровне, причем без всякого вмешательства германской военной администрации.

Еще один важный факт, который также откровенно признавал Оболенский: «мы... свергли правительство Сулькевича и провозгласили свое...».¹⁰⁷ Другими словами, «немецко-татарское», по Оболенскому, правительство было сброшено и установлено русское правительство. Отсюда понятна его тяга, вопреки фактам, изобразить Сулькевича для современников и потомков как неудачного авантюриста, желающего играть роль «вождя», «хана», «султана». Оболенский не отрицал исторических перемен в Крыму при Сулькевиче, но трактовал их лишь в одном направлении — изменения следовало делать исключительно в интересах русского господства, которое было при самодержавии и империи, что было уже невозможно.

Находясь в Крыму, Оболенский видел в Сулькевиче главного политического конкурента, которому сильно завидовал и хотел отобрать у него власть. В эмиграции же Оболенский старался запечатлеть именно такую память о погибшем Сулькевиче, которая прижилась в современной научной литературе, не подвергаясь ни проверке, ни коррекции, ни критике.

Другой очевидец событий в Крыму в 1918 г. — адвокат, депутат I Государственной думы, один из лидеров Конституционно-демократической партии М.М. Винавер вспоминал, что Оболенский был одним из инициаторов борьбы с «германо-сепаратистским правительством» Сулькевича,¹⁰⁸ соглашаясь с этим нарративом Деникина и Оболенского. Но вместе с тем Винавер понимал, для чего им снова нужна была власть. 15 ноября 1918 г., с сочувствием писал Винавер, «бедному Сулькевичу ничего не оставалось, как согнуть шею под земское иго», и добровольно сдать ему

---

¹⁰⁷ Там же. Т. 7. 1924, с. 100.

¹⁰⁸ М. Винавер. *Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 г.г.)*. Париж, 1928, с. 8.

власть.¹⁰⁹ На взгляд Винавера, правительство Сулькевича было русско-татарским,¹¹⁰ что больше соответствует фактам. Причем никаких выпадов в отношении татарского и мусульманского происхождения Сулькевича в воспоминаниях Винавера нет.

В мемуарах Д.С. Пасманика, публициста, журналиста, общественного и политического деятеля, находившегося в Крыму в 1918 г. и уехавшего во Францию в 1919 г., даны иные оценки правительства Сулькевича и его самого: «Новая власть ... не была ни татарской, ни русской. Сулькевич в разговоре со мной уверял меня, что он прежде всего русский генерал, что он даже по-татарски говорить не умеет (он был из литовских татар), что его жена русская и что он тоже мечтал о восстановлении России и без большевиков и без революционеров. Однако в мелочах он подчеркивал свое мусульманство, что *раздражало всех русских людей* (курсив мой. — А.И.). А главное, он был — полнейшее ничтожество ... Он не был ни прогрессивным, ни реакционным правителем ... Все, решительно все, за исключением татар, ругали правительство Сулькевича. Его даже не ненавидели, а презирали, ибо в нем не было ни одной трагической черточки, а сплошная комическая клякса. Ни у кого не чесались руки, чтобы вступить в рукопашную с властью, а сами собой ноги подергивались по-футбольски, чтобы пнуть в заднюю часть туловища. Не было ни страха, ни уважения, ни ненависти, а сплошное голое презрение. И вовсе не потому, что Сулькевич услужал немцам. Они в нем не нуждались и ничего он им не давал, да они его сами презирали, как нечто бесформенное и бездушное. Получился в физике необъяснимый феномен: несмотря на полное присутствие, всеми ощущалось абсолютное отсутствие, т.е. пустота. В лучшем случае эта власть воспринималась как неуместная и надоедливая муха в жаркий день, когда веки стягиваются ото сна. На самом деле летом 1918 г. Крым зевал и спал, хотя и неглубоким сном ... В Крыму все было

---

¹⁰⁹ Там же, с. 16.

¹¹⁰ Там же, с. 4.

спокойно».¹¹¹

Если абстрагироваться от эмоций этого мемуариста, отсюда следует, что, во-первых, при Сулькевиче в Крыму не было гражданской войны, у населения не было беспокойства, тревоги; во-вторых, никакого страха перед этим «диктатором», «марионеткой» не было как у жителей, так и у оппозиционных политиков; в-третьих, он вовсе не прислуживал немцам, как утверждали другие мемуаристы; в-четвертых, пребывание у власти в Крыму правителя-мусульманина стало главной причиной объединения против него левых, правых и либеральных русских и прорусских политиков. Все они, по сути, недооценивали его, считали, что ему не положено занимать такую высокую государственную должность, так как современники могли привыкнуть видеть на таком ответственном посту инородца, который в случае чего может опереться на коренное мусульманское население.

Итак, главным его намерением был созыв общего парламента, против чего выступил ряд министров его правительства. В сентябре из правительства ушли Горчаков, Татищев, Рапп и Налбандов, т.е. русские и немецкие представители. В интервью крымской газете Сулькевич в связи с отставкой этих министров сообщил следующее: С первых же дней формирования кабинета выяснилось, что Налбандов пытался образовать свою группу в правительстве. Сразу образовался раскол из-за желания этой группы отнюдь не защищать нейтралитет правительства, а заниматься натравливанием одной части татарского населения на его другую часть. С этой целью Налбандов начал принимать депутации части татарского населения и руководил ими в смысле составления прошений, жалоб и пытался втянуть Совет министров во внутренние распри татарского населения, что не встретило поддержки других членов правительства. Явное враждебное отношение Налбандова к Курултаю, его провокации вызывали постоянные конфликты между ним и министрами-мусульманами.

---

¹¹¹ Д.С. Пасманик *Революционные годы в Крыму*. Paris, 1926, с. 102–103.

По украинскому вопросу, сказал далее Сулькевич, он резко расходился с Налбандовым, который неоднократно говорил, что «мы в таком положении, что остается только подчиниться Украине. Такой взгляд местного деятеля, который подписал в декларации условия самостоятельности Крыма до выяснения его положения на будущем мирном конгрессе, разноцветных, к сожалению, поздно обнаруженных его политических убеждений, его приверженность к Украине, достаточно характеризуют политическую физиономию г. Налбандова и его “убеждения”».

«Относительно упрека о неудачном выборе лиц в кабинет я, — признавался Сулькевич, — могу сказать, что он, к сожалению, если и имел бы основание, то относился бы именно к бывшему министру финансов, торговли и промышленности гр. Татищеву...».

В отношении уровня жизни крымского населения Сулькевич отметил, что оклады в Крыму были меньше, чем на Украине, но доходы превышали расходы. При этом население Крыма получало по 1 фунту хлеба за 50 коп. «Я не знаю, много ли мест в пределах бывшей империи, где цены были бы ниже, а паек больше?»¹¹²

В интервью корреспонденту немецкой демократической газеты «Frankfurter Zeitung», который встречался с Сулькевичем 18 сентября 1918 г., генерал заявил ему, что он уже сформировал свой новый кабинет. Комментируя это сообщение, парижская газета «Le Temps», фактически печатный орган МИД Франции, назвала Сулькевича «этнографическим феноменом»,¹¹³ что можно расценивать как комплимент со стороны французского правительства, тем самым создавая, в отличие от французской левой прессы, благоприятное общественное мнение о нем не только во Франции, но и в других европейских столицах. В Париже получали сведения о том, что реально происходило в Крыму при Сулькевиче.

---

¹¹² Крым (Симферополь). 1918. 29 октября.

¹¹³ Le Temps (Paris). 1918. 28 Septembre.

В связи с подготовкой созыва общего парламента печатный орган Крымско-татарского парламента осенью 1918 г. напомнил, каким образом Сулькевич оказался у власти в Крыму: Весной 1918 г. «Крымско-татарский парламент взял на себя инициативу организации крымского правительства и с этой целью обошел представителей всех слоев населения, начиная с кадетов и кончая социалистами, приглашая их как граждан Крыма сообща работать на благо родного Крыма. В тогдашних своих обращениях к соотечественникам представители татар неоднократно указывали на задачи формировавшегося правительства, которые должны были заключаться в сохранении порядка и законности в крае, поддержании мирного сожительства между национальностями Крыма и доведении фактически самостоятельного Крыма до всеобщей мирной конференции, на которой должна быть окончательно решена судьба Крыма. Но, к сожалению, наши соотечественники (имелись в виду русские политики. — А.И.) тогда не нашли в себе достаточно решительности, чтобы свободно подойти к этому вопросу, на премьерство в лице представителя парламента они смотрели как на усиление влияния татар в политической жизни Крыма и, позабыв интересы края, поддавшись влиянию чувства личного самолюбия, не смогли примириться с такого рода премьерством и отказались от служения интересам Крыма. И тогдашняя несговорчивость наших соотечественников дала в результате правительство ген. Сулькевича»,¹¹⁴ которого в силу своего видения Крыма они не хотели видеть как правителя.

В другой заметке этой же осведомленной газеты отмечалось, что 18 октября 1918 г. совещанием земских гласных был выдвинут вопрос о формировании нового состава правительства, о чем и было доведено до сведения правительства. Обсудив это заявление, правительство не нашло возможным передать управление краем лицам, избранным совещанием земских гласных, имея в виду, что члены совещания не являлись представителями всего населения Крыма и, в частности, татарского

---

¹¹⁴ *Крым* (Симферополь). 1918. 23 октября.

населения, представители которого в совещании не участвовали. Правительство объявило созыв парламента в кратчайший срок, поручив одновременно разработку положения о выборах особой комиссии. Состоявшиеся вслед за тем съезды земских и городских деятелей и чрезвычайный съезд татар отразили волю населения Крыма, подтвердив также необходимость скорейшего созыва парламента, и дали возможность выделить смешанную комиссию для образования нового кабинета, опирающегося на все части населения. Правительство объявило, что оно передаст немедленно власть тому кабинету, который будет сформирован представителями общественности и национальных групп.

21 октября 1918 г. правительством была издана декларация, суть которой сводилась к тому, что не позднее 20 декабря 1918 г. созвать общий Крымский парламент (сейм) на основе всеобщего равного, прямого и тайного голосования. «Это как раз то, чего крымские татары, — отмечалось далее в газете, — добивались в продолжение полутора лет, к чему призывали своих крымских соотечественников и что ставили главным условием поддержки нынешнего правительства. Все конфликты, происходившие до сих пор между Курултаем и крымским правительством, главной причиной своей имели именно вопрос о созыве Крымского парламента, на который крымские татары смотрели, как на действительного хозяина Крыма, и на созыве которого всегда настаивали... Крымский парламент, надо полагать, из мечты претворится в действительность.

И в этом случае ген. Сулькевич может рассчитывать на полную поддержку его правительства крымско-татарским народом, так как, полагая, нельзя не приветствовать правительство, своевременно идущее навстречу насущным требованиям жизни края, а что в данный момент нет ничего более насущного, чем созыв Крымского парламента, об этом говорить не приходится. Пусть придет истинный хозяин, и он скажет своим веским словом, как быть, как устроить судьбу края.

А до тех пор, пока этого не будет сделано, нам неизбежно придется

быть свидетелями разного рода ненормальных и смехотворных явлений, вроде попыток трех-четырех членов бывшего губернского земского собрания (имелся в виду прежде всего Оболенский. — А.И.) выступать в самочинной и дерзновенной роли разрешителей судьбы Крымского полуострова...

И если... все, выдающие себя за демократов, действительно являются таковыми, пусть вместе с татарской демократией поддержат лозунг о немедленном созыве Крымского парламента (сейма) на демократических началах, который, без сомнения, устранил все те трения по вопросу о власти, которые происходят среди местных политических партий».¹¹⁵ Именно такой выход из сложившейся ситуации поддержал Сулькевич, проявив себя действительно демократом, сторонником парламентского способа управления.

После ухода ряда министров Сулькевич пошел на создание фактически стоящего над МИД органа — Временного комитета по внешним сношениям. Его организация была поручена Н.В. Чарыкову, русскому дипломату, бывшему послу России в Стамбуле, приехавшему в сентябре 1918 г. в Крым. Совет министров постановил поручить ему руководить внешней политикой Крыма. В своих воспоминаниях, опубликованных в США в 1931 г. на английском языке, Чарыков вспоминал, что летом 1918 г. Сулькевич приехал к нему в Севастополь и во время их встречи сказал: «... all he wished was to be remembered some days as “a good dvornik” (caretaker), who had helped to preserve for the Russian State its jewel, the Crimea».¹¹⁶ То есть все, чего он желал, — это чтобы его когда-нибудь помнили как «хорошего дворника», который помог сохранить для российского государства его жемчужину — Крым.

В XIX в. — первой трети XX в. татары-мусульмане считались лучшими

---

¹¹⁵ *Крым* (Симферополь). 1918. 20 октября.

¹¹⁶ N.V. Tcharykow. *Glimpses of high politics: through war and peace, 1855–1929. The autobiography of N.V. Tcharykov, serf-owner, ambassador, exile.* New York, 1931, p. 314.

дворниками в России, отличались строгостью и не разрешали мусорить во дворах, поддерживали порядок на своем участке. Этот образ татарского дворника вошел в русскую литературу того времени. У Сулькевича, который использовал это сравнение, имелся высокий уровень самоиронии — редкое качество для государственного деятеля и политика такого уровня. Сулькевич, говоря эти слова, скорее всего понимал, что он уже вошел в историю не только Крыма. Слова Сулькевича о дворнике лишний раз подтверждают, что он отлично осознавал, что хотели от него услышать русские дипломаты и политики о его политике. Разумеется, никаким политиком-«дворником» он не собирался становиться, а лишь подыгрывал их ожиданиям.

Чарыков также дал оценку того, что Сулькевич сделал к этому времени в Крыму, а именно: Экономические и финансовые перспективы Крыма были превосходны, и казалось вполне возможным установить здесь систему политической свободы и демократического парламентского правления. Это было фактически решено, правительство Сулькевича подготовило ее введение, и выборы в Крымский сейм должны были состояться.¹¹⁷ По свидетельству Бобровского, «местные самоуправления были мало стеснены в своей работе, профессиональные союзы и даже социалистические партии существовали легально, печать была почти совсем свободна».¹¹⁸

Одним из доказательств того, что на самом деле хотел «дворник» Сулькевич, является его письмо председателю Совета министров Азербайджанской Республики Ф.Х. Хойскому, отправленное в Баку после сентябрьских переговоров в Киеве делегации крымского правительства, когда она посетила там представителя азербайджанского правительства и выяснила желательность и возможность установления между этими странами отношений. Далее Сулькевич писал: «Стремясь со своей стороны способствовать скорейшему установлению таковых и имея в виду, что в Крыму проживают около 40% мусульман, которые, подобно населению

---

¹¹⁷ Ibidem, p. 315.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

Азербайджана, заняты ныне делом своего национального и культурного самоопределения, я поручаю нашему единоверцу г. Александровичу¹¹⁹ передать Вам настоящее письмо вместе с моими и крымского правительства приветствиями».

О том, как Сулькевич представлял себе свою дальнейшую деятельность на международной арене, можно судить по следующему тексту этого письма: «В скором будущем в водах Черного моря надлежит ожидать появления флота союзников. В видах возможного обеспечения интересов населения Крыма, затрагиваемых этим событием столь огромной важности, я прилагаю все старания, чтобы войти в связь с союзной эскадрой ранее приближения ее к крымским берегам, дабы, с одной стороны, предотвратить опасность и ущерб для жителей от военных действий в пределах Крыма и, с другой, — не допустить возобновления выступлений большевиков, готовых воспользоваться эвакуацией Крыма германскими войсками, если таковые не будут своевременно заменены отрядами союзников.

Высадка союзников в Крыму должна отразиться также на ходе дел в Украине, на Дону, на Кубани и за Кавказом. Эта высадка, надо думать, будет иметь значение и для Азербайджана вследствие возможного появления союзных военных и торговых судов в Батуме и Поти — конечных пунктах железной дороги, связующих Азербайджан с Черным морем.

С этой точки зрения представлялось бы желательным установление возможно полного общения с союзным главным командованием в Севастополе со стороны всех заинтересованных правительств стран, прилегающих к названному морю.

В этих целях, не признаете ли Вы нужным командировать сюда доверенное лицо с должными полномочиями для встречи союзников и совместного обсуждения с прочими представителями различных вопросов,

---

¹¹⁹ Александрович Джемиль Александрович (1883 – после 1932) — литовский татарин, журналист, этнограф. Во время гражданской войны приехал в Ялту, в 1920 г. член Ялтинской уездной земской управы, затем уехал в Баку.

касающихся их общих интересов, связанных с новым положением военных, политических и торговых дел на Черном море?

С этим же лицом крымское правительство было бы очень радо, в свою очередь, вступить в переговоры по предмету дальнейшего развития сношений и отношений между Крымом и Азербайджаном».¹²⁰ Сулькевич предлагал направить в Крым посла Азербайджанской Республики, чтобы установить дипломатические отношения. Из текста письма следует, что он намеревался наладить отношения с представителями Франции и Великобритании. Вообще содержание этого письма показывает, что у Сулькевича были намерения остаться у власти, несмотря на все интриги и притязания русской оппозиции, и при поддержке Франции и Англии готовиться к обороне Крыма от вторжения Красной армии.

С целью найти компромисс с русскими политиками он, например, 5/18 октября 1918 г. встречался с Набоковым, у которого остались такие впечатления об этом разговоре: Сулькевич сказал, что хочет «реконструировать» свое правительство. В ходе беседы он предложил такую «комбинацию»: он сохраняет положение начальника края и главы правительства, но функции имеет только в области внешних сношений, сношений с немецким командованием и инспекции войск. Приглашаемое им лицо (кадет) формирует правительство по своему усмотрению, но с тем, чтобы в его состав непременно вошло два татарина. Председательствовать в Совете министров будет это именно лицо, неся официально звание товарища председателя, сам же Сулькевич будет председательствовать только в особо важных случаях. «Я, — отмечал Набоков, — высказал скептическое отношение к такому предложению, но заявил, что доведу о нем до сведения моих друзей, мы его обсудим и дадим ему ответ». Разговор, между прочим, коснулся большевизма. Он сказал, что немцы ведут в этом вопросе очень

---

¹²⁰ Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика. Документы и материалы. Баку, 1998, с. 102–103.

двойственную политику, «на словах все обещают, на самом деле ничего не делают». На вопрос, правда ли, что он собирается уходить и даже уже подал в отставку, он ответил отрицательно, прибавив, что он не считает возможным, с точки зрения интересов местного населения, оставить свой пост, и что считает необходимым довести дело до парламента. Далее мемуарист отметил, что Сулькевич в другой ситуации вновь заявил, что власть он передаст только парламенту, который он и намерен созвать в Крыму.¹²¹ Этот разговор означает, что Сулькевич не собирался в отставку.

Той же осенью 1918 г. встречался Сулькевич и с Оболенским. При этом Сулькевич, по словам Оболенского, заявил ему: «Не понимаю, зачем нужно вам другое правительство. Ведь тех же лиц, каких вы намечаете, я бы охотно пригласил в свой кабинет, а вы тут революцию какую-то затеяли ... Ну, давайте попросту объяснимся, что вы имеете против меня?

Обвинительных пунктов у меня, — писал далее Оболенский, — в запасе было много, но самым свежим из них были таинственные переговоры с Турцией, и потому я с этого и начал: “Как же вы не понимаете, что после разоблачения истории с вашим турецким послом вы не можете оставаться во главе одного из местных правительств России”. “Ах, и до вас дошла эта сплетня!” — быстро ответил генерал. “Это удивительно, как из пустяка у нас целые истории раздувают. А дело, ей-богу же, самое пустяковое. Знаете, как это было: когда я стал во главе крымского правительства, то, как *мусульманин* (курсив мой. — А.И.), получил приветствие от султана. Я решил, что и мне нужно ответить ему какой-нибудь любезностью. Как раз наступил день его рождения. А Сейдаметов мне и говорит, что его знакомый татарин едет в Константинополь. Ну, знаете, я и решил с ним послать приветствие султану по случаю его рождения. Вот и все...” Терпеливо выслушав весь этот наивный вздор, я еще раз в дружелюбном тоне посоветовал ему добровольно покинуть пост крымского премьера и при этом заметил, что, по моим впечатлениям, немцы перестали его поддерживать. “Ну нет, вы очень ошибаетесь, —

---

¹²¹ В.Д. Набоков. Указ. соч., с. 229, 230.

возразил генерал, вновь оживляясь и переходя на прежний высокомерный тон, — германское командование всецело на моей стороне...” Итак, правительство Сулькевича осталось у власти». ¹²² Почему Сулькевич был тогда так уверен в поддержке Берлина?

В секретном протоколе, подписанном 23 сентября 1918 г. в Берлине великим визирем Османской империи Талаат-пашой и министром иностранным дел Германии П. фон Хинцем, было сказано следующее: «Le Gouvernement Impérial Allemand reconnaît que la situation des musulmans en Crimée, comme en Russie en général, en ce qui concerne la conservation de leur caractère national, de leur religion et de leur culture, est d’une importance particulière pour le Gouvernement Impérial Ottoman. Sans préjudice à la forme politique future de la péninsule, le Gouvernement Impérial Allemand, en tant que cela dépend de lui, est d’accord que l’Etat de choses existant dans ce *pays* (курсив мой. — А.И.) (un cabinet mixte avec un Président du Conseil Musulman) soit maintenu. ¹²³ Здесь сказано, что в Берлине считали, что положение мусульман в Крыму, как и в России вообще, в отношении сохранения их национального характера, религии и культуры имеет особое значение для османского правительства. Независимо от будущей политической формы Крыма германское правительство согласно на сохранение существующего положения дел в этой стране (со смешанным правительством во главе с мусульманином). Такое решение означало, что во главе крымского правительства остается Сулькевич. В этом разговоре он, между прочим, вновь продемонстрировал Оболенскому, что он мусульманин.

По свидетельству Бобровского, активность и сплоченность татар могли «привести в случае созыва Сейма к нежелательным с точки зрения интересов России результатам... Если теперь, по истечении 9 лет, — писал он в Праге, — при беспристрастном рассмотрении деятельности первого

---

¹²² В.А. Оболенский. *Крым в 1917–1920 годы* // Крымский архив. 1996. № 2, с. 23–24.

¹²³ Azərbaycan Cumhuriyeti, 1918–1920: Osmanlı arşiv belgeleri/neşre hazırlayanlar Qiyas Şükürov, Vasif Qafarov. İstanbul: TEAS Press, 2018, s. 446.

крымского правительства, в ней трудно усмотреть явно сепаратистские тенденции, то тогда все это воспринималось как сепаратизм».¹²⁴ Попытка созыва этого парламента была сорвана, Сулькевичу пришлось уйти в отставку в середине ноября 1918 г. Причиной этого шага, как принято считать в историографии, явилось окончание Первой мировой войны, которое изменило ситуацию в Крыму: в ноябре 1918 г. произошла эвакуация отсюда германских оккупационных властей.

С какой же нескрываемой радостью встретили многие русские писатели, публицисты, журналисты известие об уходе из власти Сулькевича, свидетельствует, в частности, В.А. Амфитеатров-Кадашев, который в своем дневнике 23 ноября 1918 г. сделал такую запись: «В Крыму низвергают Сулькевича. Ну, этого Махмуда Турецкого не жалко! Низвергают его оригинально: губернская управа уведомила соответствующим отношением за номером, что она больше его не слушается. Сулькевич предлагает “октроировать конституцию”, но тщетно: неизбежна его выставка!».¹²⁵

А как оценили итоги пребывания Сулькевича у власти в Крыму те, кто был рядом с ним? Его соратник, выехавший из Крыма 9 ноября 1918 г. в Баку, изложил 1 декабря 1918 г. в правительственной газете «Азербайджан» следующее: «Правительство Сулькевича ушло в отставку после того, как им же самим были сняты все меры, принятые к установлению правового порядка после очищения Крыма от большевиков. Правительство Сулькевича предоставило свободу слова, печати, собраний. Были восстановлены демократические самоуправления и самый важный акт — созыв Крымского парламента — поставлен правительством Сулькевича в “порядок дня”. Крайний срок созыва Крымского парламента назначен правительством на 7/20 декабря 1918 г. Для приведения в исполнение созыва парламента создана комиссия из представителей политических партий Крыма,

---

¹²⁴ ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 8, 12.

¹²⁵ В. Амфитеатров-Кадашев. *Страницы из дневника // Минувшее: Исторический альманах*. М.-СПб., 1996. Т. 20, с. 537.

национальных организаций и общественных самоуправлений. Согласно плану правительства Сулькевича, комиссия эта получила полную свободу и независимость от правительства по созыву парламента, как в вопросах техники избирательной, так и в выработке основных положений избирательного закона. За свою деятельность комиссия будет ответственна лишь перед созываемым парламентом. Основная мысль ушедшего правительства Сулькевича — довести Крым до парламента с функциями учредительного собрания и таким образом завершить правомерным актом вопрос о самоопределении Крыма и внести этот политический факт на международную мирную конференцию для закрепления завоеваний Крыма в области самоопределения. Правительство Сулькевича определенно заботилось о том, чтобы Крым получил законное право представительства на мирной конференции народов. Казалось бы, что идея правительства Сулькевича по своей чистоте и необходимости бесспорна и не имеет врагов ни явных, ни тайных. К сожалению, в Крыму это не так. Враги Крымского парламента есть. Но они не явные, а тайные. И эти тайные враги Крымского парламента облеклись в лозунг “единая и неделимая Россия” во главе с местной печатью, любезно открывшей свои страницы кадетствующим политикам... Так, Набоков в “Таврическом голосе” посвятил большую статью учредительному собранию, назвав свою статью “Выцветший лозунг”. Набоков стремился доказать, что созыв учредительного собрания — невозможная вещь и что эта идея уже “выцвела” ...».

После отставки Сулькевич поселился в Бахчисарае. 7 января 1919 г. он присутствовал на общемусульманском съезде в Симферополе.¹²⁶ Здесь по инициативе и при ближайшем его участии организовалась «Лига защиты прав мусульман в России». После съезда он выехал через Одессу в Бухарест к союзному командованию с докладной запиской.¹²⁷ Речь идет о его замысле создать мусульманский корпус из военнопленных-мусульман, находившихся в Европе, но представители Франции не поддержали это предложение.

---

¹²⁶ *Таврический коммунист* (Симферополь). 1919. 6 мая.

¹²⁷ *Таврический голос* (Симферополь). 1919. 14 января.

Заключение

Анализ историографии показал, что основной ее тенденцией вплоть до настоящего времени является стремление как мемуаристов, так и большинства историков нивелировать роль М. Сулькевича в событиях в Крыму в 1918 г.

Однако проанализированные и изложенные факты из научной литературы и разнообразных источников показывают, что он в действительности сыграл большую роль в решении сложных и многоплановых задач, вставших тогда перед народами полуострова, в преодолении отсталых, отживших порядков. Он не был карьеристом и службистом, а был гибко мыслящим человеком, у которого имелась харизма и качества не только военачальника, но и политика, — все это оказалось очевидным в оценках его сторонников, так и противников. Его деятельность позволяет характеризовать его как решительную, дальновидную и предприимчивую личность, с широким кругозором и профессиональной эрудицией, склонной к оправданным компромиссам, заинтересованной в преобразованиях, способной воплотить в жизнь задачи, стоявшие перед обществом в Крыму.

Его программа в Крыму предусматривала регулирование экономики в сочетании с поощрением частного предпринимательства, демократизацию общественных отношений, привлечение иностранной помощи, укрепление обороноспособности Крыма, расширение сотрудничества с Европой, с соседними государствами, особенно с Украиной, Турцией и Азербайджаном.

Мусульманская идентичность Сулькевича в 1917–1920 гг. проявилась отчетливо на примере процесса «мусульманизации» армии, что способствовало росту его авторитета и популярности среди крымских татар и азербайджанцев.

Когда гражданская война царила над всеми остальными

территориями бывшей Российской империи, в Крыму при Сулькевиче удалось избежать многих ее ужасов и даже обеспечить там относительно свободное демократическое развитие. Его добровольная отставка с поста премьер-министра была сделана им, по сути, для того, чтобы избежать гражданской войны в Крыму, и в этом его огромная заслуга как человека и политика.

Список Источников И Литературы

Архивы

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6400 (Бобровский Петр Семенович, государственный контролер, министр труда крымского краевого правительства). оп. 1. д. 7.

Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2031 (Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта). оп. 1. д. 1577; Ф. 2003 (Штаб Верховного главнокомандующего). оп. 2. д. 336.

Газеты

Le Populaire (Paris). 1918 г.

Le Temps (Paris). 1918 г.

Азербайджан (Баку). 1918 г.

Вечерние огни (Петроград). 1918 г.

Заря России (Москва). 1918 г.

Известия Всероссийского мусульманского военного шуро (Казань). 1917 г.

Известия Всероссийского мусульманского совета (Петроград). 1917 г.

Крым (Симферополь). 1918 г.

Крымский вестник (Севастополь). 1918 г.

Таврический голос (Симферополь). 1919 г.

Таврический коммунист (Симферополь). 1919.

Сборники документов

Азербайджанская Демократическая Республика. Архивные документы Великобритании. Баку: Институт истории Национальной академии наук Азербайджана, 2008. 576 с.

Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. — М.: Наука, 1982. 609 с.

Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 года. Сборник документов. М.: Наука, 1968. 621 с.

Azərbaycan Cumhuriyeti, 1918–1920: Osmanlı arşiv belgeleri / nəşre hazırlayanlar Qiyas Şükürov, Vəlif Qafarov. İstanbul: TEAS Press, 2018. 707 s.

Мемуары

Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника // Минувшее: Исторический альманах. М.-СПб., 1996. Т. 20. С. 435–635.

Барсуков Е.З. Моё военное прошлое. Воспоминания 1866–1954 гг. Смоленск: Край Смоленский, 2018. 624 с.

Деникин А. И. Очерки Русской смуты. Том третий. Белое движение и борьба добровольческой армии. Май—октябрь 1918 год. Берлин, 1924. 272 с.

Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919-1921). СПб, 2001. 431 с.

Набоков В.Д. «Крым в 1918/19 гг.» // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 221–257.

Оболенский В.А. Крым в 1917–1920 годы // Крымский архив. 1994. № 1. С. 59–86.

Оболенский В. Моя жизнь. Мои современники. Париж: УМКА-PRESS, 1988. 754 с.

Научная литература на русском языке

Алиева С. Татары в Азербайджане. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 164 с.

Балаев А. Азербайджанская революция 1917–1918 годов в современной историографии // Падение империи, революция и гражданская война в России. М.: Социально-политическая мысль, 2010. С. 149–162.

Бочагов А.К. Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. 2-е изд. Симферополь: Крымгосиздат, 1932. 117 с.

Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь: Крымгосиздат, 1927. 336 с.

Бутовский А.Ю., Бобков А.А. Корчемная стража, как вооруженная сила акцизного ведомства Министерства финансов Крымского края (июнь 1918 – март 1919 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2018. 7/2. С. 4–10.

Бутовский А.Ю., Григоров А.И., Бобков А.А. К истории 1-го Мусульманского стрелкового корпуса российской армии (ноябрь 1917 г. – август 1918 г.) // История и археология Крыма. 2017. № 5. С. 371–382.

Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II, 2010. Т.2. М.: Центрполиграф, 2010. 758 с.

Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. Симферополь: Красный Крым, 1939. 58 с.

Вольфсон Б. Подрывная деятельность монархистов к Крыму в годы гражданской войны // Исторический журнал. 1938. № 10. С. 42–50.

Гаджиев А.Н., Абдуллаев Я.С. оғлы. Формирование вооруженных сил Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.) // Кlio. 2018. № 10 (142). С. 141–148.

Гражданов Ю.Д. Антибольшевистское движение и германская интервенция в период Гражданской войны, 1917–1920 гг. : дисс. ... докт. ист. наук. Волгоград, 1998. 649 с.

Грибова С.В., Мискевич А.А. Татары-мусульмане Некрашунской парфии: история и современность // Этническая культура. 2022. Т. 4. № 1. С. 6–10.

Гришин Я., Шарафутдинов Д. Отчизны верные сыны. О военачальниках – выходцах из древних татарских родов. Казань: Гасыр, 2001. 158 с.

Гуковский А.И. Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив. Исторический журнал. 1927. Т. 3 (22). С. 92–96.

Гуковский А.И. Французская интервенция на юге России. 1918–1919 г. М.-Л., 1928. 267 с.

Гулиев В. Польские татары в Азербайджане. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011. 162 с.

Гусейнова Л.Д. кызы. Деятельность неправительственных общественных организаций период АДР (1918–1920). Автореферат ... канд. ист. наук. Баку, 1996. 17 с.

Дарков С.К. Кадетский биографический справочник: в 6 томах. 3-е изд., доп. Т. 5. СПб.; М.: ДС, 2011. 400 с.; Т. 6. СПб.; М.: ДС, 2011. 416 с.

Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Революция в Крыму. 1924. № 3. С. 39–102.

Загородских Ф.С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму. Симферополь: Крымгиз, 1940. 136 с.

Зарубин А. Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008. 724 с.

Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. К вопросу о крымском краевом правительстве М.А. Сулькевича (1918 г.) // Крымский музей. 1994. № 1. С. 46–56.

Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). Харьков: Агтау Литагент «Фолио», 2013. 384 с.

Зими́на В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М.: РГТУ, 2006. 465 с.

История города-героя Севастополя. 1917–1957. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1958. 339 с.

История Крыма: в 2 т. Т. 2. М.: Кучково поле, 2017. 789 с.

Калиновский В.В., Пученков А.С. Этноконфессиональный фактор в деятельности крымского краевого правительства М.А. Сулькевича (июнь–ноябрь 1918 г.) // Вопросы истории. 2020. № 11–1. С. 18–21.

Кальвари М.А. Интервенция в Крыму. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1930. 180 с.

Линев К.К., Шарапа В.Ф. Крымское краевое правительство С. Сулькевича // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 226–234.

Мальгин А.В. Внешняя политика крымского краевого правительства генерала Сулькевича // Крымский музей. 1994. № 1. С. 56–66.

Пученков А. Крымское лихолетье // Историк. 2018. № 9. С. 58–65.

Пученков А.С. Правительство Соломона Крыма: история неудавшейся либеральной попытки эпохи Гражданской войны // Крым: проблемы истории: сборник статей. М.: Индрик, 2016. С. 187–206.

Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г.: к постановке проблемы // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. междууниверситетского науч. конф. г. Санкт-Петербург. 29 нояб. 2013 г. СПб.: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. С. 151–159.

Ремпель Л.И. Комсомол в Крыму: исторический очерк пролетарского юношеского движения в Крыму с 1917 по 1920 год. [Симферополь]: Крымгосиздат, 1927. 80 с.

Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь: Антикава, 2009. 272 с.

Хафизов Г.Г. Культурно-просветительская деятельность татарской интеллигенции в XIX – первой четверти XX вв. Дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2006. 437 с.

Шарафутдинов Д., Гришин Я. Российский генерал Сулейман Сулькевич // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1999. № 1/2. С. 139–142.

Яблоновская Н.В. Крымская этническая пресса в 1918 г.: под властью ревкомов и крымских краевых правительств // История отечественных СМИ. 2021. № 1 (6). С. 12–29.

Научная литература на других языках

Arslan-Bej. General Maciej Sulkiewicz (1865–1920). Wilno: [s.n.], 1932. 11s.

Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. New York: Oxford University Press, 2018. 823 p.

Guliyev V. General Maciej Sulkiewicz: Tatarzy polscy w służbie państwa azerskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 2008. R. 9. Nr. 2. S. 191–213.

Güzay A. Kirim'da alman işgali ve osmanli devleti nin tutumu üzerine bir değerlendirme (1918) // Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. Cilt 2. Sayı 4.

Temmuz 2020. S. 447–470.

Kırımlı H. National movements and national identity among the Crimean Tatars (1905–1916). Leiden, 1996. 242 p.

Roberts C.E.B. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920: Being the record of a journey to South Russia, the Crimea, Armenia, Georgia, and Baku in 1919 and 1920. London: Nabu Press, 1921. 344 p.

Tcharykow N.V. Glimpses of high politics: through war and peace, 1855–1929. The autobiography of N.V. Tcharykov, serf-owner, ambassador, exile. New York: Macmillan, 1931. 330 p.

Ülküsal M. Kırım'da General Süleyman Sülkeviç Hükümeti // Emel. 1979. S. 112. S. 1–10.

Ural S., Hangül N. Türk Basınında Sovyet İhtilali Sonrası Kırım'ın Durumu (1918'de Yaşanan Gelişmeler) // XVIII. Türk tarih kongresi Ankara: 1–5 Eylül 2018 kongreye sunulan bildiriler IX. cilt. Ankara, 2022. S.: 607–628.

Бикова Т.Б. Кримські крайові уряди 1918–1919 рр. // Сторінки історії 2012. № 34. С. 72–87.

Думін С.В., Канапацкі І.Б. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць. Мінск: Польша, 1993. 206 с.

Пиріг Р. Німецькі детермінанти кримської політики гетьмана Павла Скоропадського (травень–грудень 1918 р.) // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. С. 385–395.

Пиріг Р. Чому гетьман Павло Скоропадський улітку 1918 р. вдався до економічної блокади Криму? // Історія Криму в запитаннях та відповідях. Київ: Наукова думка, 2015. С. 318–321.

Интернет-источники

Бутовский, А. Ю. Матвей Александрович Сулькевич: история жизни

генерал-лейтенанта Генерального штаба России, военно-научная и общественная деятельность (20 июня 1865 – 2 июля 1920 г // Genesis: исторические исследования. — 2019. — № 2. — С. 1–18. URL: // https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28396 (дата обращения: 05.11.2025).

Гулиев В. Польские татары на службе азербайджанской государственности // Зеркало (Баку). 2006. № 2, 9, 16, 23, 30; 2007, № 13, 20, 27 // URL: <http://www.zerkalo.az>.